

Начало Века

Творческие
искания
сотрудников,
преподавателей
и студентов
Харьковского
национального
медицинского
университета

Альманах

Харьков 2014

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)

ББК: 74.58+84+85(4Укр)

Н-36

Утверждено ученым советом ХНМУ

(Протокол № 5 от 22.05.2014)

Редакционная коллегия: С.А. Красникова (гл. ред.), Л.В. Фомина (зам. гл. ред.)
И.В. Летик (ответ. секр.), М.А. Адамский, И.В. Запорожец

Концепт-дизайн: В. Ск!п

Н-36 **Начало века.** Творческие искания сотрудников, преподавателей и студентов Харьковского национального медицинского университета : альманах. — Харьков : ХНМУ, 2014.— 96 с., ил.

В альманахе собраны стихи, проза, репродукции живописи, прикладного искусства и фотографии сотрудников, преподавателей и студентов Харьковского национального медицинского университета. Отражено творчество авторов, которые стали уже старожилыми альманаха, появившись на страницах его первого издания, представлены имена тех, кто только начинает свой творческий путь.

Тематика творчества — жизнь в её разнообразных проявлениях, чувства и мысли, родившиеся на пути к малым и большим жизненным вершинам, личное восприятие исторических и современных событий.

Рекомендовано широкому кругу читателей.

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)
ББК: 74.58+84+85(4Укр)

© Харьковский национальный медицинский университет, 2014

© «Майстерня Ск!п!в», дизайн, 2014

У третьому випуску альманаху, присвяченому 210-річчю нашого університету, читачеві надається можливість познайомитися з творами вже відомих йому авторів та творчістю нових аматорів.

Сторінки нашого альманаху відкриті для всіх: і для тих, хто робить перші кроки в мистецтві, і для тих, хто вже має певні здобутки, тому що натхнення у творчості сприяє натхненню в навчанні, улюбленій роботі.

Приємно відзначити, що з кожним роком коло авторів розширюється, усе більше співробітників і студентів діляться своїми думками, почуттями, поглядами на життя, вважаючи читачів однодумцями, відкриваючи їм іноді найпотаємніше, що свідчить про єдність, згуртованість нашого колективу, спроможність досягати будь-яких вершин.

Ми вітаємо всіх, хто бажає творити, удосконалювати свою творчість, щоб надалі продовжувати її на сторінках професійних видань, стверджуючись у мистецтві та приносячи славу своїй alma-mater.

З повагою
В.М. Лісовий

Поэзия,
проза

Альфия Акжигитова

Студентка 4-го курса II медицинского факультета

А ведь знаете, в последнее время многие как-то подзабыли о верности. А это так важно — быть верным. Не просто в распространенном смысле. Дела амурные здесь отнюдь не в первых рядах.

Важно быть верным прежде всего себе. Своим словам, идеям, решениям, чувствам. И ведь немалая сила заложена в таком человеке! Тот, кто верен своему слову, не будет бросать обещаний на ветер, помня, что цена каждого — дело. Человек, верный своей цели, умеет отличить главное от второстепенного, не боится отделить песок от камня.

Верность себе — это уже своего рода надежность, эдакий фундамент для души. И разве не верность своим мыслям и чувствам, особенно чувствам, есть искренность? Да и если уж вдуматься... Разве не в верности себе заключена немалая из основополагающих счастья? Та их, которая влечёт все остальные?..

Вот и я думаю...

Ангелы нынче дрались подушками,
Смехом залили все небеса,
Бегали бойко, вертели макушками...
Веришь ли? Слышала их голоса!

Пух разлетался, кружил, пританцовывал,
вниз пробирался сквозь шаль облаков.
Сыпался снегом, ложился на головы
двух полюбивших сей мир чудаков.

Тень солнца летнего теплою искрою
так и мелькала в зелёных глазах.
Радость. Улыбка. Так просто и искренне.
То, что не выразишь в неких словах.

Белый ковер, из беспечности сотканный,
грубо измяли колёса машин.
Плыть по сугробам прыжками короткими,
словно нам лет эдак шесть с небольшим.

Там на заборе, смотри, припорошенный
белою крошкой, сидит рыжий кот.
Знаешь, ты точно такой же взъерошенный,
С взглядом, наполненным смыслами нот.

Кажется, время прислушалось, замерло...
Кто-то со смехом свалился в сугроб.

Может, лишь люди... но крылья расправили
посреди будничных зимних грушоб.

Ангелы смотрят с небес, любопытные.
Им по душе этот родственный смех.
Искры в глазах и сердца самобытные...
Ангелы смотрят и, кажется, ангелам
Нет пока дела до прежних потех.

Солнце, по горизонту плывущее,
ныряющее за силуэты деревьев время
от времени,
тёплым золотом заливает всё сущее,
слева мягко касается темени.

А мне хочется быть художницей,
да с мольбертом вон из автобуса,
пусть считают меня безбожницей,
путешественницей без глобуса,
глупой дуροю без любящего
иль девчонкою с голой душой —
я ценю прежде настоящее
и люблю быть по-детски простой...

А не всё ли равно,
когда возглас любви был отпущен,
и прощен, отдан в руки другой так давно,

А не всё ли равно
Мне, свободно и вольно живущей?

Расскажи, отчего душою
Я всё реже бываю с тем
Пареньком с золотой головою,
Что мне создал немало дилемм.

Оттого ли, что умирая,
Моё сердце рождалось вновь?
Переспелая да седая
Стала запертая любовь...

Так не всё ли равно,
Что от наспех пропетои песни
не склонил он своей головы?
Как давно мы уже не вместе...
Он не знает, что с прошлой весны.

Своё сердце так мало слушала,
говоря о любви бывою.
Да, мы очень похожи душами,
но его была редко со мною.

И как долго, не зная устали,
моё сердце стучалось в его.
ВСЁ ломалось с такими хрустами...
Только мне-то, влюблённой дуре,
дела не было до всего...

Пробач мені мій біль.
Пробач мене, нестерпну.
Пробач моє мовчання
і пробач,
що часом важко бути широко з тобою.
Пробач, що я біжу,
хоть хочу залишитись.
Пробач, що так боюся болю знов.
Пробач мені...
Пробач мені ту нерозділену любов.

Мой друг, завязывай болеть.
Мне, знаешь, хочется улыбку
Твою почаще лицезреть.
Ведь время, знаешь, мчится быстро.

Мы стали ближе, стали дальше.
Я сбилась с прежнего пути
И чуть не захлебнулась в фальши...
Спасибо, что не дал уйти.

Средь вихря странных перемен,
За коим я не успевала,

Ты стал внезапно другом тем,
Каких, поверь, довольно мало.

Моя душа твоей сродне –
Вот что мне сразу показалось.
Просто была на самом дне
И больше шрамов ей досталось.

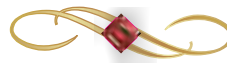
Мой друг, завязывай болеть.
Нам надо стрескать ананасы,
Хороший кинчик посмотреть...
Потом ботаничь всего массу...
Но ты завязывай болеть.

Ну вот и всё. Почти не больно.
Не кровоточит жгуще рана.
Живу свободно и привольно,
Закрыв глаза на все изъяны.
Иду вперед. Назад ни шагу.
Осточертела эта ртуть.
Возьму лишь ручку и бумагу.
Пусть снова не смогу уснуть.
Слова излишни. Чувства те же.
Вот только разум выше них.
Болит? Еще болит, но реже.
А мне не нужно слов пустых.

Я всё храню их — чувства эти.
Но я не так теперь дышу.
Я поднимаюсь на рассвете
И сон без жалости душу.
Я жизнь вдыхаю нежно-жадно,
Я жгу иллюзии в огне.
Я так любила... безотрадно.
И где эта любовь? Нигде?

Мне думать — веришь? — надоело.
Осточертело вспоминать.
Но чувство... чувство как горело!
Могло и греть, и обжигать,
Коптило душу переменно —
Ему ведь выход подавай...
Эй, чувство, ты ведь тоже бrenно?
Я дверь открою — улетай...

Алла Алексеенко

Заведующая кафедрой философии,
социологии и медицинской социологии,
профессор, доктор философских наук

Як знайти ту внутрішню людину,
Про яку писав Сковорода,
До якої у лиху годину
Прагне наше серце і душа?
Але щось змінилось в житті нашім —
Чи прийшла недуга, чи печаль?
Раптом ми шукаймо душу нашу,
Не завжди знаходимо — а жаль!
Не згадали про таємну сутність,
Про страждання, що їй надали,
І забули про її присутність,
Про велику значущість її.

Україна

Україна, моя колискова,
Моя радість і моя печаль,
Де звучить Шевченкове слово,
Де сьогодні стріляють, на жаль.

Розстріляли і брата, і сина,
Залишили без батька дітей...
Україна, моя Україна,
Скільки сліз з твоїх лється очей.

Розстріляли Небесну сотню —
Достроково лишили життя.
Не побачать кохані їх очі,
Не народиться в них дитя.

Чом у світі панує жорстокість?
Чом безглуздо вбивають людей?
Чом при владі стоїть диктатор,
А не просто святий Мойсей?

Розіп'яли мою Україну,
В ній хотіли посіяти зло —
Україна, моя Україна,
Моя радість, надія, тепло.

Вірю я в справедливість Божу,
Вірю в щирість наших сердець,
Вірю в міцність нашого дому.
А для зла скоро прийде кінець.

Ми ще будемо світ дивувати,
І співати веселі пісні,
І щаслива маленька дитина
Посміхатися буде у сні

Не знаю я, де відповідь знайти
На всі свої болючі запитання:
Чому від зради серце так болить,
Чому так часто зраджують кохання?

Скажіть мені, коли, в які віки
Відсутні були зрада та убивства?...
Невже живуть для цього на землі,
Невже найбільш цінується презирство?

І презирають бідного небогу,
І убивають враз без каяття
Сократа, що не прагнув бути Богом,
Хоч мудрості він присвятив життя.

І зойкнув птах над полум'ям рожевим,
Коли Джордано Бруно там горів.
Душа його полинула у небо,
Бо на землі її ніхто не розумів.

Вбивають геніїв і не бояться кари,
І не бояться божого суда...
Невже людей народжують для страти,
А не для довгого, щасливого життя?

Не знаю я, де відповідь знайти
На всі свої болючі запитання,
Яку дорогу вибрати мені,
Щоб не була вона в моїм житті остання.

Мы часто пишем автобиографию,
Стараясь отразить в ней жизни путь,
В скупые строчки вписываем сжато
Все, что ушло, и что уж не вернуть.

За каждой датой кроется бывшее:
Дела, поступки, люди, имена –
Ну, разве можно описать такое
Отчетливо и сухо, без тепла.

Никто не спросит, что нас волновало,
Где шквал эмоций вырвался вперед.
Сухие строчки отразят так мало
И не расскажут, как был прожит год.

Чему за это время научились,
Что потеряли раз и навсегда,
Довольны ль тем, к чему мы так стремились,
И не жалеем, что бегут года.

Сухие строчки отшумевшей жизни,
Года и даты прожитых времен –
И все наполнено здесь потаенным смыслом,
И далеко не каждый все поймет.

Не знаю я, что движет этим миром,
Но очень верю, всюду есть добро:
В цветке, который к солнышку стремится
И в кошке, что лакает молоко.

В улыбке матери, и в тихих звуках песни,
Что напевала над кроваткою она
Уснувшего ребенка нежно-нежно,
Чтоб передать ему любовь свою сполна.

Добро живет в друзьях моих надежных,
В моей работе, в доме и в семье,
Добро придаст мне выдержку и твердость
В минуты горести, обиды и в беде.

Я преклоняюсь перед этой добротой,
Я благодарна жизни и судьбе
За то, что оставалась я собою,
За то, что мир всегда был добр ко мне.

Уходят годы, словно поезда,
Скрываясь вдаль, за синим горизонтом...
И невозможно их вернуть назад,
И невозможно броситься вдогонку.

На каждой станции их ждет своя судьба:
Разлуки, встречи, слезы, ожидания...
Встречает там любовь или беда,
Надежда светлая, а, может быть, отчаянье.

И не проходят мимо поезда,
И делают всегда здесь остановку.
Бегут, бегут уставшие года,
О прошлом вспоминая втихомолку.

О, Господи, прости мои грехи,
Которые я совершала в жизни.
О, Господи, прости и те грехи,
Которые рождались только в мыслях.

Если все зависит от Бога,
Почему страдает душа,
Почему коротка дорога,
Что зовется моя судьба?

Я азбукой хочу измерить душу.
Но где она? И в чем она живет?
Ее покой никак я не нарушу –
Душа мне вдохновение дает.

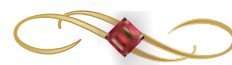

За количеством забыли качество
Жизни, отношений и любви.
Все стремимся к славе и удаче –
Лишь не можем истину найти.

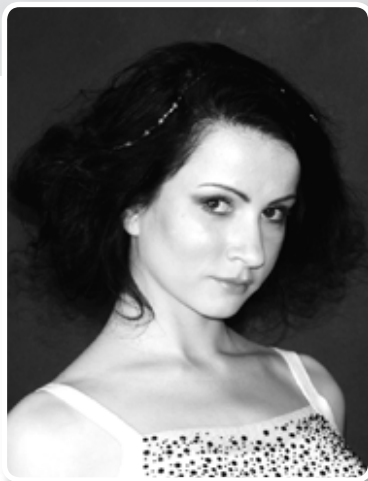

Как хотелось теплоты, нежности, улыбок
Как хотелось, чтоб цветы мне всегда дарили.
Но не дарят мне цветов, ни зимой, ни летом,
Я сама себе куплю маленький букетик.

Одарю его теплом, нежностью весенней,
Прислонюсь к нему щекой на одно мгновенье.
Аромат его вдохну сладкий и пьянящий,
И пойму, что сама жизнь — это уже счастье.

Майсия Богданова (Тая Каури)

Студентка IV курса I медицинского факультета

Родилась в Харькове. После окончания школы поступила в ХНМУ, сейчас — студентка студентка IV курса I медицинского факультета.

Пробовать себя на литературном поприще начала в 2005 году. Писала рассказы, стихотворения. В 2009 году выпустила сборник рассказов и эссе под названием «Трилогия действительности».

В конкурсе ХНМУ «Стихотворения и мелодии» стала победительницей.

Любит познавать необычное и мечтает изучить историю Харькова, путешествуя по его улицам и знакомясь с чертами городского прошлого и современным его портретом.

Мечтает выпустить свой поэтический сборник.

«Мервенец»

«Вот и начало последнего месяца года» —
В голове зазвучало у всех последних из рода.

Обрела мысль плоть
И растением вьётся на шеях,
Её нам не прополоть,
Как не спрятаться в общих траншеях
От огня всё пожравшего:
От величия до ничтожества нашего,
От сомнений уверенных
До радостной скорби,
От чувств, нам доверенных,
До дрожи помноженной дробы.
Завяжись на мне лента лемнискатай

Бернулли,

Расскажи, что, зачем да и сколько
С отвёрткой налитой слов мы ввернули
И где смысл, что от них толку, и только
Уводи поскорее от слепых чужаков,
Что с готовностью видят в себе вожаков.
Пройдёт время, и оно же придёт
Тогда сможет сам себя понять идиот:
Я топлю корабли и сжигаю мосты,
Я теряю, теряю, чтобы потом обрести

Морс

Выходной день. Пустая трибуна.
Тень её падает с верхнего яруса.

У пристани пришвартована шхуна
В украшении белого паруса.

Якорь цепной свисает из клюза,
Дует лёгкий приятный и радостный бриз,
В толще воды зависает медуза,
Постепенно удаляясь вниз.

Кружат над гаванью жирные чайки,
Предвкушая вкусный богатый улов,
И со скоростью звука нагайки,
Ныряют в поисках рыбьих голов.

А вчера капитан с кровью из носа
Доказал в пределах зала суда,
Что ещё пока не знают износа
Великолепные его суда.

Под троекратное «Ура!»
Матросы получили весть,
Лихо держась за леера,
Отправились искать невест.

Не зная ещё расставаний печали,
Пронзая водную даль взглядом острым,
Свободный корабль от причала отчалил,
Под защитой грозного профиля роста.

Дыши и, может быть, напиши,
Ради прекрасных славных моряков,
Их просмоленной морем души:
«Словарь ветров» и «Атлас облаков».

Студент 6-го курсу ІІІ медичного факультета

Осенний вечер... Старая кофейня. Дорогой сердцу «Золотой дукал»... Аромат кофе... За-мечательная гармония! Тихо... Лишь легкая музыка... Свет приглушен, нежно горят све-чи... Какой хороший вечер!!! Тихонько в голо-ву закрадываются мысли... Мысли о прекрас-ном: желтых листьях, первых морозах, далеких встречах... Кофе и музыка. Да просто шикар-но! После очередной чашки все начинаешь по-нимать по-новому... То, что жизнь прекрасна! Хоть на улице вечер, хоть горчит кофе, хоть си-гаретный дым режет глаза ... но все же!!! Вечер сменится утром, горечь легко убрать сахаром, ну а дым — априори — развеется!

Андрей Вергелес

DIGREDIENTES

Холодний поїзд їде в далечинь,
Гудок останній — на пероні пусто...
Лише ліхтар формує мою тинь
І стелиться дим сигарети густо.

Розлучник-поїзд тане вдалині,
Ще мить — і навіть образу не буде.
Надіюсь я на зустріч хоч ві сні,
Бо без розлук не зустрічались люди!

А в пам'яті чомусь спливають дні,
Всього два дні, що доля дарувала.
Неначе наяву все, не вві сні...
О, як цієї зустрічі чекали!

Тебе чекав, розлуки цілий рік.
Та перша зустріч в пам'яті навіки.
Часи розлуки — наче цілий вік.
Стан астеничний, не потрібні ліки...

А тільки вчора разом ми були,
Той ніжний вечір на вокзальних кріслах...
Нас світлі зорі гріли з висоти
І чарами п'янило сіре місто.

Вокзал розлуки... Вже прощання час.
Покриті сумом темні рейки, шпали...
Навіщо доля розлучила нас?
Та я чекатиму! Чекав! Буду ждати!!!

Проходять дні морозного страждання
Мірилами самотнього буття.
Могилу я поставлю для кохання...
Хай буде пухом, ніжному, земля.

Його нема, і там, напевно з неба
Сміється воно, дивлячись на нас,
А є ще ті, хто сліпо вірять в себе
І ждуть, коли прийде кохання час...

На ту могилу не нестимуть квітів,
Ніхто не вірить в ту банальну смерть.
І ходять ще романтики по світу
Папір сонетами забруднюючи вщерть!

Хто ж міг створіння ніжне це убити?
Не вбивство це — звичайний суїцид...
За те ж бо, що не вмiли ми любити...
А зараз... Тихо! Може воно спить...?

Навіщо ти зайшла до мене в душу,
Біловолосим сонцем у вікно?
Хоч спокій твій, напевно, не порушу,
Та й права відступу не маю все одно...

Твоє життя мінливе і гаряче,
А погляд... Погляд знову обпіка
Але чи ти? Мабуть не ти, юначе...
Можливо й змиє все часу ріка.

Забрала спокій, смуток породила,
Немов тавро поставила в душі.
Та хто ж ти є, моя тендітна сило?
Вогонь не згасять бурі та дощі...

Та не мовчи, хочу почути твоє слово..
Нехай шемить душа, та все одно.
Твій образ уявляю знову й знову
Тож посвіти хоч трішки у вікно...

CUM SPES...

Я знаю, ти прийдеш, точно знаю!
Дороги наші знову перетнуться.
Бо знай і ти, що я тебе чекаю —
Не може ми в цім морі розминуться!

Ти зараз там, де просто не знайти,
Ти недосяжна, як зоря ранкова.
Та все одно, до тебе буду йти,
Щоб ти почула це банальне слово

Тебе знайду! Не зараз... Хоч колись.
Надіюсь, будем разом хоч хвилину...
Щоб знову в поцілункові злились,
Душею радісною разом в вись полинуть!

Тебе нема, зате надія є!
Я не надіюся на зустріч, просто знаю...
В моїй душі — ти сонечко моє.
Приходь скоріш, бо вже давно чекаю...

ДИНОЧЕСТВО...

Когда душу рвёт одиночество
И не радуют солнца лучики,
На руинах старинного зодчества
Как в тумане стою задумчивый...

Сыплет снег мне в лицо иголками
И впивается в кожу тёплую...
Взять гитару бы в руки, а толку ли,
Да сыграть бы про жизнь свободную.

Но гитара висит на гвоздике,
Даже струны на ней распущены...
Разрушаем мы в жизни мостики,
Не вернуть того, что упущено...

ЕКСПРЕСІЯ

Я той поет, якого не читали.
Газет не бачив мій простий рядок.
Знать не хотіли ви мене, тому й не знали,
А я засвоїв цей сумний орок.

Кому потрібно те, що написалось,
На лекції вляглося на листок...
І знов перерва, знов стою, дрімаю,
Лиш сигарети стелиться димок...

Кому потрібен ти, горе-поете?
Твої вірші не читані ніким...
Кому потрібно знати, з ким ти, де ти?
І день минув, розвіявся мов дим...

А прийде вечір, ніч твоя настане,
Завариш чаю, цукор не кладеш...
І знову прийде в дім печаль незвана,
І знов писатимеш, аж поки не заснеш...

МОНАХ

І знов ця келія, і знову чорний одяг...
На грудях хрест важкий — страшний тягар.
Лише свіча розсіює цей морок,
Мов зірка, що блукає серед хмар.

Хоч сяють золотом криві хрести і бані,
Хоч лине дзвін, скликаючи людей,
Хоч кожен день вважаєш за останній —
Покинути б скоріш притулок цей!

В порталах чорних сирість розквітає,
Молитви линуть в небо як птахи...
А хто ти? Тут тебе ніхто не знає...
Можливо, вже лишишся на віки?

Від холоду тут ковдра не рятує,
Бо я — монах — і цим вже все сказав...
Мене для інших зовсім не існує,
Можливо, й я долину серед хмар...

Як добре те, що ти ще не зі мною,
Твій погляд сонцем душу зігрива,
Не знаю я, що буде в нас з тобою...
І чи не марно ці пишу слова?...

Можливо, ти й не хочеш їх почути,
Хоча усе витримує папір.
Чи ти весела зараз, чи сумуєш,
Чи ніжний погляд свій зведеш до зір...

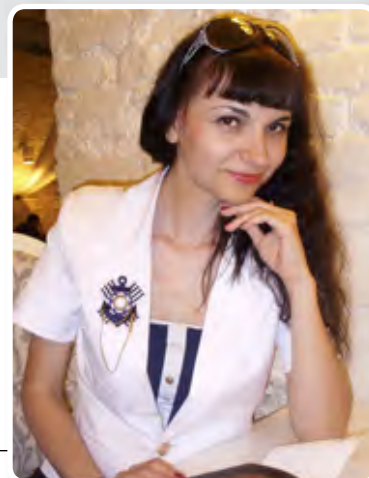
Нащо живеш? Навіщо я сумую?
Хто ти для мене? Хто для тебе я?
Чи ми один для одного існуєм?
Хоч я іще не твій, ти — не моя...

Выпускница V курса II медицинского факультета

С детства мечтала стать врачом. Мечта осуществилась — она стала студенткой 2-го медицинского факультета ХНМУ. Училась только на отлично, участвовала в научных конференциях, в общественной жизни университета. Пишет стихи.

В 2013 году стала победительницей всеукраинского конкурса «Студент года». Целеустремленный и ответственный человек, и в тоже время у нее добрая душа. Главное стремление — помочь человечеству избавиться от неизлечимых болезней. Осуществлению этого она готова посвятить всю свою жизнь.

Наталья Гужва

На стекле морозным утром
Напишу, что ты как будто
Полюбил меня, и я
Вся сегодня для тебя.

Мы опять во сне сольемся,
И опять я улечу
До небес, чтоб тучкой темной
Мы дождем упали в лес.
На листочек, на травинку,
На опушку, на грибок,
На колючую ежа спинку
И на беличий хохолок.

Упадем и разольемся
Каждой каплей на земле,
Ведь вода нужна, как солнце.
И почувствуют нас все.
И приятно будет коже,
И приятно сердцу им.
На земле нас создал Боже,
А на небе — сами мы.

Потреба тебе кохати
Така сильна
І душу твою колихати
В думках шохвилинно.

Уривок життя –
Мій подарунок,
Віддай у відповідь
Свій поцілунок.

В очах надія і смуток –
Кохання без майбуття
Приречення чи дарунок?
Ні, це просто моє життя.

Шкода, що кохання помре,
Бо ти не схотів його існування,
Я душу кохала і серце твоє,
Чекала щодня на відповідь зрання.

Нема сподівання, нема більше мрій
Відмову відчула і зраду коханню.
Твій вибір ніхто не осудить, радій,
Мій поцілунок у мріях — і це на прощання.

Твої руки хочу приложити я к серцю,
И за ушком поцеловать.
Поклониться, забывшись, где я,
И спасибо за все сказать.
За оценки, что были выше,
Чем я знала и могла знать,
За улыбку и за всю ту силу,
Что терпеньем можно назвать.

Я уйду, но буду помнить,
Что любила и плакала зря,
Навсегда ты остался в мыслях,
Что любить безответно нельзя.

Найпристрасніший і найширіший,
Любий і найсильніший,
З тобою я забуваю про все,
Навіть як звать мене і де моє серце.

Побачу тебе і відчую знов,
Твій дотик і відчуття схожі на любов,
А поцілунок до болю і крові –
То вже окремі докази твоєї любові.

А як обіймеш до хрусту в кістках,
Наче від страху, що злечу я як птах,
То як у казці — взаємні бажання,
І одночасне їх виконання.

Я знову прийду, ти знову зустрінеш,
І буде усе як завжди.
А потім ти будеш співати пісні,
І згадувати, лиш мене, у вві сні.

Ничего не значат все твои слова,
Ничего не значит, то, что рядом мы,
Ничего не значит, что снова день,
И если на меня упала твоя тень.

Уже давно я не смотрю в глаза,
Уже давно тебя не ошущаю я.
Уже давно не нужно больше ждать
Не говорить и все прощать.

Без души глянула я вослед,
Без души опять захлопнул дверь,
Без души случайно прислонюсь,
Уйду и не вернусь.

И никогда не напишу в стихах,
И никогда не улыбнусь в ответ,
И никогда не спрячу в сердце страх,
И никогда твои глаза не скажут нет.

Я уже не хочу в это верить,
Не хочу надеяться зря.
Пусть скорее все ветер развеет
И осушит от слез глаза.

Ну все, хватит смотреть и думать,
Что все это сделала не я.
Что секрет на этой планете
Все, что было не сон и не явь.

Это все так ужасно и больно,
Не хочу я смотреть в глаза,
Не найти там любовь в ответе:
Ты оставил ее на границе сна.

Нарядила елку
И купила торт,
Только в этом нету толку –
Ты не у ворот.

Зря ждала я поздравлений,
Снова ты поздравил не меня.
Чем она меня милее?
Почему я не она?

Не снежинки упадут
На ресницы глаз моих –
Вереница слов обидных
От тебя, как дождь на луг.

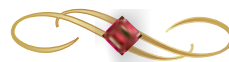
И зачем ты здался мне!
И люби ее один.
Не придет она к тебе –
Я обижена вдвойне.

Хочу я быть твоей лишь вишней
И опьянет в твоих руках,
В твоей судьбе не быть мне лишней
И таять снегом на губах.

И сладко мучиться в слезах,
И ожидать прикосновенья,
Когда же скажешь мне ты: «Да»
И жизнь подарит миг мгновенья.

Я жду тебя, и знаешь ты,
Что ты придешь на светлое свиданье,
Мои надежды лишь в руках судьбы,
Но ты — мой ангел. И осуществи
Мое заветное желанье.

Ведущий инженер редакционно-издательского отдела

Какая власть, когда дерутся Боги?
Кого судить, когда у всех права?
Куда идти, когда везде дороги?
Кого винить, что знаки не стоят?
Кого забыть, когда исчезла память?
Кому сказать, когда не видно лиц?
И как любить, когда он вечно занят?!
Куда бежать, когда он весь закрыт?
Какая боль, когда зажаты зубы? —
Не надо слов — их надо выбирать.
Какой судьбы у нас не будет?
Не знаем мы... Да и зачем нам знать?

Наталья Дубская

ВРЕМЕНА ГОДА

Времена года всегда останутся для нас загадкой природы. Почему зимой непременно должно быть холодно, а летом жарко, почему весна должна идти именно после зимы... Мы никогда не согласимся с их последовательностью и переменчивостью. Принять — это значит не быть человеком! Нам необходимо создавать загадки, чтобы потом искать разгадку. Человек должен думать, искать, выбирать. Но если на всё взглянуть проще, то времена года похожи на сестёр, которые периодически ссорятся. Поэтому осенью может неожиданно похолодать и даже снег выпасть. Значит, осень и зима что-то не поделили. Зима вообще девушка с характером. Если уж она и поссорится с кем-либо, то ни за что первая не придёт к примирению. Она просто сразу вступает в свои права... и не спешит передавать их. Именно поэтому порой зима длится не три месяца, как ей положено, а шесть или семь. Конечно, человек не может смириться с подобной несправедливостью! Как это так?! Лето длится три месяца (при условии, что осень на него внезапно не обозлится), а зима не дает закончиться осени и разбушеваться весне. Вот за такую вредность зиму и не любят. И привлекает она только своей красотой, когда выпадает снег, светит солнышко, мороз не обжигает лицо... Их настроение делает нам погоду, стало быть, от их ссор и примирений зависит и наше состояние. К сожалению, мы не в силах на это повлиять, поэтому нам остается только попытаться понять характер каждой из сестер.

Так повелось, что каждый год открывает Зима. Возможно, это подсознательно связано с белым цветом. Белое покрывало снега словно очищает и обновляет землю. Но наравне с такой благородной миссией Зиме дан дерзкий и коварный характер. Пользуясь первенством, она отнимает у Весны один, а то и сразу два месяца. Иногда Зима — это не тот белый пушистый зверек, которого хочется погладить...

Но как бы долго Зима не злилась на Весну, однажды приходит и её черёд. Никогда не могла понять, почему весну окрашивают в голубой цвет. Её можно раскрасить как в сиреневый, так и светло-зелёный, когда почки начинают распускаться и прорастает трава... А голубой цвет скорее всего относится к небу с примесью недавней Зимы. Весенняя сестра — натура печальная, нежная, лирическая. Она пытается отойти от напора зимней стужи и отвоевать своё право. Весны очень мало, и мы не всегда успеваем насладиться ею и вдохнуть необычный свежий воздух уже без морозной резкости и удушливой жары. Если Зима — девушка с ледяными глазами, то у весны они влажные светло-голубые, оттаявшие... Самая ласковая и, я бы сказала, отзывчивая из сестёр. Она пробуждает в нас какие-то новые прекрасные чувства, которые были заморожены зимой. Мы становимся добрее, улыбчивее... Весна — это пора возвращения к жизни, когда оживают деревья, цветы, прилетают птицы, согревает солнышко... А для человека — это ещё и пора влюблённости! Возможно, за это старшая сестра Зима и невзлюбила её, завладев первыми месяцами. Зимой сердце словно покрывается льдом, как и земля, каменеет, и всё, чего хочется, — это отогреть-

ся. Если зимой влюблённые просто согревают друг друга, то Весной чувства обретают свободу и становятся перед выбором... Если сердце прошло испытание Зимой, то Весной ему уже нечего бояться. Весна — покладистая, добрая девушка, и не стоит ругать её, когда в марте или апреле на улице метель и мороз. Значит, сёстры снова в ссоре.

Иначе обстоит дело у летней сестры. В силу своей доброты и мягкости характера Весна уступает ей последние дни своего третьего месяца. И Лето полноправно вступает в свои права. Это самая долгожданная пора, о которой люди мечтают всю осень, зиму и весну! Девушка в зелёном платье, которая приносит с собой жгучее солнце, фрукты, ягоды и желанный отпуск! Летом человек меняется, становится другим — подвижным, ярким, весёлым... «Лето — это маленькая жизнь», — поётся в одной песне. И действительно, едва на улице задышит Лето, человек словно начинает жить заново, открывает чистую страницу. У него появляется множество планов, стремлений, открывается второе дыхание. Сестра Лето — лёгкая, добродушная, горячая и отчаянная! На первый взгляд, кажется, что она сможет найти общий язык даже с Зимой, однако не всё так просто. Иногда в жаркое Лето вклинивается экстравагантная Осень. Она разбавляет жару дождями и ветрами. Причём это холодные обильные осадки и сильные порывы. Но, в конце концов, они договариваются, и Лето снова радует нас жаркими деньками. Именно потому, что Лето — любимая и долгожданная пора, она заканчивается очень быстро. И хочется нам того или нет, а приходится уступить место Осени.

Осень, как и Лето, такая же желанная пора. Её тёплые бархатные тона создают уютную и приятную атмосферу. Это небольшое продолжение Лета, когда улицы горят от красно-жёлто-оранжево-зелёных листьев, и предвещают зиму, когда небо опускается так низко, что кажется, будто оно висит над глазами. Пропадает подвижность, хочетсяжаться в комок и поспать, меняется настроение, и ты просто плывёшь по течению. Осень — грустная пора, которую описывают поэты и писатели, часто сравнивая её с женщиной. Она, пожалуй, одна из сестёр, которая без обид и ссор принимает условия ушедшего Лета и соглашается с правилами Зимы. Она имеет свои отличительные качества, и этого у неё не отнять!

К сожалению, сейчас сестрицы словно взбунтовались. Время года мы определяем только по календарю. А так хочется, чтобы однажды они помирились, и всё встало на место! Пусть будет снежная зима — Зимой (!); ручейки бе-

гут с первого весеннего месяца и распускаются почки; пусть Лето будет жарким и позволит нам отогреться и насладиться отдыхом, оставив приятные воспоминания; пусть Осень очаровывает пёстрым разнообразием листьев... Всё должно быть вовремя — дождь, снег, холод и тепло. Когда-то всё было задумано именно так, и не нам это менять!

ЮАНСЫ ОБЩЕНИЯ

«Привет. Как дела? Нормально». Мы даже не подозреваем, какой оттенок имеет эта угловатая фраза, которая оставляет разные впечатления. Казалось бы, обыкновенные слова с незамысловатыми значениями, однако не всё так просто! Почему при встрече мы всегда говорим одну и ту же заезженную фразу? Почему бы просто не сказать: «Привет! Я так рад тебя видеть! Отлично выглядишь!» И только потом задать тот вопрос, от которого по сути куда не деться. Только разница в том, что звучать он будет уже в другом оформлении. Мы до конца не понимаем, какой на самом деле важный вопрос «Как дела?», но ещё важнее ответ! Задавая этот вопрос, нужно помнить о его двусмысленном значении. Мы можем выбрать его потому, что больше не о чем спросить, а молчать как-то неудобно, или потому, что не знаем, с чего начать разговор, чтобы не бить сразу в лоб. Но вот разговор начат, озвучена коронная фраза и... вопрос, готов ли ваш собеседник к ответу и готовы ли вы не просто выслушать его, но и поддержать? Неоднозначность отношения к данному вопросу легко объяснима, и вы сами сейчас это поймёте и даже согласитесь. Кто-то для приличия отговаривается «нормально», считая, ответ вполне удовлетворительным. Другой только и ждёт вопроса, чтобы рассказать о наболевшем. Только возникают всё те же сомнения, готовы ли мы как к подобным отговоркам, так и к излияниям?

Существует два подхода, из которых мы естественно выбираем самый простой, более-менее доступный и не отягощающий. Это тот факт, по причине которого нам не удаётся понять человека, когда он пытается подойти с другой стороны. И прежде чем задавать вопрос: «Как дела?», нужно подготовить почву, на которой и взойдёт ожидаемый ответ.

Студент 4-го курса II медицинского факультета

Время парадоксов и безудержного безумия... Что может быть святее святого? Имеется ли предел и граница святости? Если нет, то почему одни святые почитаемы больше других, а если да, то что является мерилом? Сентиментальность связанных святых сегодня сочится серебристой сукровицей. И эта мера мерилом являться должна? Тогда как измерить Бога?

Александр Ершов (Армантский)

ПАРАНДЖА

Лиш очі дивляться у темряву сліпу,
Думки шукають шлях у спеці ночі,
Співає місяць: я її знайду...
Знайду ці синьо-карі чисті очі.
Ти дивишся і бачиш спів зірок,
На сході сонця мавки затанцюють.
І під шалений клекіт чарівних сорок
Ніжні вуста тебе у серце поцілують.
І ти відчиниш шафу своїх мрій,
Вдягнеш сьогодні паранджу любові.
А сукня шастя, віри і надій
Тебе сховає від чужої болі.

МНИМАЯ ДЕВУШКА

«Это лишь кажущееся отражение кажущейся луны».

Она всегда приходит, когда ты меньше всего ждешь, но когда ты ждешь, она никогда не придет. Она вполне реальна, как ты или я... Ну, по крайней мере, как ты. Что уж говорить обо мне. Ты не ловил себя на мысли о том, что попросту теряешь время. Точнее, ты его остановил, погрузившись в состояние, где нет ни времени, ни иллюзий. Они замерли в одной позе,

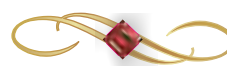
и лишь глаза отражают жизнь. Разве так сложно сформировать новую реальность? Более того, ты даже перестал прыгать в иные пространства, наслаждаясь процессом покрытия пылью иллюзий и нового трона. Или ты его вновь успел разрушить? Минуточку... Ах, проказник... Апп-п-чхи!.. Да, да, гротеск, гротеск. Но разве это не смешно?

Принц стоял, опершись на клинок в тишине и свете луны. Ее свет озарял городскую площадь, на которой стояли призрачные фигуры. Он медленно ходил между ними, заглядывая в глаза.

— В них ты не найдешь ничего. Они пусты и бездыханны. Их глаза — лишь отражения. Тебе кажется, что это отражение, в котором ты видишь кажущееся отражение себя. Вот, она вновь пришла. Вы вновь помолчите... И только не говори старому демону, что это и есть беседа в твоём понимании. Ты ведь идешь против своей природы и ради чего? Вель ты даже не играешь, не исполняешь пункты Договора, не спасаешь эту душу. Что ты делаешь?

Принц ответил. Демон пожал плечами и исчез.

Но вот кто более реален, он или его гостя?

Андрей Заздравнов

**Доктор медицинских наук, профессор
кафедры общей практики — семейной
медицины**

Родился в Киеве в семье студентов. В 1972 году семья переехала в Харьков. После окончания школы поступил на лечебный факультет ХНМУ, который закончил с отличием и начал профессиональную деятельность врачом в отделении кардиологии Харьковской областной клинической больницы. В 2001 году был принят на должность ассистента кафедры общей практики–семейной медицины ХНМУ, через год защитил кандидатскую диссертацию по специальности «внутренние заболевания». С 2005 года работает в должности доцента кафедры общей практики–семейной медицины и внутренних болезней. В 2013 году защитил докторскую диссертацию. Имеет больше 140 научных работ, патенты, авторские свидетельства.

С детства увлекается фантастикой, отдавая предпочтение фантастике научной и ироничной. Пишет в короткие часы досуга. Публикуется впервые.

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

*Часовой — лицо неприкосновенное.
Из Устава караульной службы*

Куда ни глянь — образцовый порядок. Асфальт черный, бордюрные камни, белые стройные березы стоят вдоль дороги, шумят зелеными кронами, словно и не октябрь вовсе. И ничего нет странного в том, что асфальт пахнет хозяйственным мылом, а листочки берез окрашены в цвет хаки. Просто порядок в части поддерживается постоянно. И порядок должен быть во всем. И красота. Причем, именно такая, строгая, неброская красота, скрашивающая тяжелые армейские будни, радующая, но не расслабляющая суровые души военных мужей.

Серегу призвали в армию год назад. В университет не поступил, мать в органы хотела его устроить, но ментовку сынуля на дух не переносил. А коль денег на высшее образование нет, так и от армии не откупишься. Такой, понимаешь ли, закон сохранения вещества и денег. Если их взять неоткуда, так они ниоткуда и не возьмутся. Попал Серега в ракетные войска стратегического назначения. Уж попал, так попал. Он же специалист, закончил радиотехнический техникум, по-нынешнему лицей, и где как не в элитных войсках, с гражданской

специальностью связанных, служить. Вот только лямку тянуть надо аж пять лет. Студентов давно в армию не призывают, а из оставшихся десяти призывников девять либо больны, либо с деньгами, и потому срок службы увеличили, зато в стаж общий зачли. Правда говорят, что и раньше срочная в стаж засчитывалась. Может, оно и так, но раньше в стаж засчитывали только два года, а теперь сразу пять. Как ни крути, все равно в плюсах. Тяжело сначала было, но потом привык. А там уже и втягиваться в службу начал, даже отдельные удовольствия стал в ней находить, разве плохо, к примеру, поспать, пару часов ночью. В общем, солдат спит, а служба идет вместе со стажем. Но в целом служба военная есть вещь самодостаточная, и поступательное движение ее от солдатского сна не зависит, идет она и на первом году, когда не спит воин, и на последнем, когда спит боец без отдыха.

В большой затемненной комнате мерцающие бирюзовым цветом экраны мониторов безостановочно выдавали рядки внешне бессвязных комбинаций цифр и букв. Информационно-аналитический Центр министерства обороны, интеллектуальная составляющая военного ведомства, место, где анализируется информация со всех концов земного шара, был непривычно тих. Обычно в этой комнате шли жаркие споры при оценке и трактовке полученных результатов. Последнюю неделю споров не было, было

много работы, особенно у статистиков и математических логиков. Никогда они еще не разрабатывали столь многоуровневую задачу с количеством переменных, стремящихся к бесконечности. Но когда были получены результаты, они удивительным образом совпали у трех, работавших автономно, групп математиков. Начальник Центра еще раз просмотрел отчеты и направился к военному министру, с докладом он мог заходить к нему в любое время суток.

— Разрешите войти, — он обратился по имени и отчеству, поскольку обращения по званию Главный не любил.

Министр кивком предложил присесть и тут же дал понять группе находившихся в кабинете офицеров, что прием окончен.

— Готовы результаты? — обратился он к начальнику Центра. — Рассказывай, не тяни! Начни с китов, — Главный поморщился, — как такое могло случиться?

— Причина инцидента с китами — нелепая случайность, вернее, цепь случайностей. Стадо животных голов в пятьдесят вошло в зону ответственности Восточного погранотряда. И случилось так, что именно в этот момент у китов начался гон, или как это у них называется. А во время гона киты поют песни, очень громко поют, на весь океан. Мы их не слышим, потому что песни эти под водой исполняются. Но этот разночастотный китовый хор восприняла наша гидроакустическая станция на несущем боевое дежурство сторожевике. Черт знает почему, но компьютерная программа дала сбой и идентифицировала эти звуки как шумы от запускаемых торпед. Ну сторожевик и накрыл одним залпом все стадо. Слава богу, ядерных ракет на корабле не было.

— Эти киты чуть не стоили мне портфеля. Ты в курсе, что зеленые вышли из правительства? А ведь на месте китов могли бы оказаться сейнеры со своими гидролокаторами. — Министр на несколько секунд задумался. — Китов жалко, но мы должны сделать из этого инцидента соответствующие выводы, чтобы не жалеть потом о людях. Продолжай дальше, по основному вопросу.

Начальник Центра заерзал тощим задом по широкому креслу, предназначенному для солидных генеральских объемов.

— Говорить, в сущности, нечего. В сложившейся ситуации при фактическом отсутствии внешнего противника наиболее вероятной причиной ядерной войны, как и в драме с китами, будет ошибка компьютерной программы, некая виртуальная случайность. Величина этой вероятности приближается к девятидесяти пяти процентам.

— Ошибки быть не может?

— Нет, работу выполняло несколько автономных групп, и их результаты разнятся в пределах двух-трех процентов. Кроме того, по агентур-

ным данным, математики Штатов и Китая оперируют сходными данными.

Главный вновь задумался, на этот раз намного дольше. Раньше агентурные данные ему докладывали исключительно руководители спецслужб. Интересно, а знают ли они вообще что-либо о данной проблеме? Он взглянул на подчиненного:

— Что вы предлагаете?

Начальник Центра распрямил спину, прокашлялся, разговор вступал в кульминационную фазу.

— Я считаю, что создание еще более сложных программ, контролирующих уже существующие контроллеры, — путь тупиковый. Чем сложнее задача, тем более простого решения она требует.

Министр терпеливо ждал, он знал свое место — место пусть и грамотного, но администратора. Говорил ученый, министр молчал. Слушал. Главный умел слушать.

Сергея стоял в карауле на командном пункте Центра управления запуском ракет третью смену подряд. Как солдат срочной службы второго года он пользовался рядом привилегий. Освобождение от нарядов в посудомойке и кочегарке с заменой их караулами относилось к одной из них. Костян и Миха, которые и должны были сменять его на столь ответственном посту, уже отслужили по четыре года и готовились к дембелю, а посему обладали правом отдыха как во время наряда, так и вне его, причем круглосуточно. Караульная служба в разряд исключений никоим образом не попадала, и Серегини сменщики отдыхали на совершенно законных (де-факто) основаниях. Вот и получается, что кто-то тарелками жонглирует, кто-то спит, а кто-то в карауле их мирный труд и сон охраняет. В общем, каждому свое, но и моего не троньте.

Сергея бдит на посту сидя, вжимая тревожную кнопку в пол упругими ягодицами. Спина удобно опирается о стенку, ноги вытянуты и расслаблены. Он дремлет, стараясь не заснуть. Положение часовому стоять на посту и не уходить с него, для того кнопку эту придумали и тревожной назвали. Даже при запуске ракет часовой на посту. Но кто же будет стоять без контроля шесть часов, не меняясь, вот и сел он.

Начальник Центра снова заерзал по креслу.

«Глисты у него, что-ли. Надо будет сказать начальнику медслужбы, чтобы проверил его, а то ведь, голова светлая, а из-за ж... мается, бедняга,» — подумал министр и тут же переключился, внимательно вслушиваясь в доклад.

— А посему мы исходили из положения, что управление запуском ракет должно быть максимально простым, чтобы избежать всяческих случайностей и быть предельно понятным для исполнителей. Мы предлагаем полностью вывести систему запуска ракет из-под компьютерно-

го контроля, поскольку вероятность фатального сбоя компьютера значительно превышает вероятность ошибки человека. Включить штепсель в розетку — простое решение, и роль случая здесь очень велика. Поставить аппарат на замыкание цепи тоже рискованно, ведь она сама собой может разомкнуться или энергетика за долги отключат. Кроме того, не будем забывать и об исполнительности человека в погонах, который, уходя, выключает электроприборы. А вот если к основной нагрузке в ту же цепь, причем на нижнем уровне, уровне непосредственного потребителя, включить еще одну нагрузку, значительно более мощную, ампер на двадцать, то реле замкнется — и тогда уже запуск. Кодировку и шифры, само собой разумеется, мы оставляем для включения этой самой нагрузки, и только лишь для нее. А для двойного контроля используем тревожную кнопку часовой: запуск возможен, только если часовой на посту.

— Не слишком ли просто? — спросил министр. — Сначала для безопасности мы отказались от президентского ядерного чемоданчика. Резонно, не спорю — в безопасности и президент, и ракеты. Но теперь вы предлагаете уйти из-под компьютерного контроля. Не рискованно ли?

— Может, и просто, может, и рискованно, но, думаю, не слишком просто, и значительно менее рискованно, чем при существующем положении.

Кресло было явно широким для начальника Центра, и он не прекращал елозить по нему.

— Хорошо, я полагаюсь на Вас и на ваших людей. Подготовьте максимально доходчивые практические инструкции для военных. — Главный посмотрел на начальника Центра. — Может, какие-то личные просьбы?

— Нет, спасибо, — начальник Центра встал, понимая, что доклад окончен, и начал грызть ногти.

«Точно глисты! — утвердился в своем предположении министр. — Не забыть сказать лейб-медику. Пусть глистов поповыведет, а то заплыл от безделья!» — и он сделал пометку в ежедневнике.

Многое изменилось на КП со времени последнего его караула. Помещение, битком набитое различной электроникой, светящееся десятками дисплеев и моргающее сотнями лампочек, опустело. Аппаратуру вывезли, остался один компьютер допотопный, даже и не компьютер, а осциллограф какой-то.

Часовой вслушивается во вздохи и шорохи ночи, не слышно ли шагов диверсанта или тихого дыхания проверяющего. Но нет, ничего необычного. В контексте музыкального сопровождения эта ночь мало чем отличается от предыдущих, разве что капитан, дежурный по КП офицер, в соседней комнате сопит и всхлипы-

вает во сне. Вот в прошлом карауле с Серегой дежурил пузатый майор, так тот громко храпел и шумно, с каким-то амфорическим оттенком портил воздух.

— Эх, не захрапеть бы, а то капитана разбудить.

Сереге сладко потянулся. Он вяло боролся со сном, и сон его побеждал. Все бы ничего, да только холодно на КП, аппаратура, что раньше здесь была, сложная и ответственная, охлаждения требовала для работы своей адекватной. И хоть электронику почти всю вывезли, кондиционеры остались, и выключать их никто не собирался. А шинель часовому не положена. Костян говорил, не дают, чтоб с головой не укрывались, а то ведь с головой укроешься — крепкий сон будет, а крепкий сон часовому ни к чему, не дай бог смену проспавать или же с кнопки свалиться.

Полковник вошел в кабинет последним и плотно прикрыл за собой дверь. Вошедший был подтянут, гладко выбрит и выглядел очень уставшим. Два десятка генералов, сидевшие по обеим сторонам длинного стола, поднялись при его появлении.

— Рад видеть вас здесь, господа! Простите, что заставил ждать.

— Подобное неуставное обращение лишь подчеркнуло невоенную сущность полковника, вынужденного в угоду армейскому этикету носить погоны.

В кабинете повисло неловкое молчание. Генералы замялись с ответом на приветствие. «Здрав желаю» явно не соответствовало ситуации, а другому ответу в академиях не обучали.

Полковник дружески улыбнулся, разряжая обстановку, и сел в кресло, стоявшее во главе стола. Секундой спустя в свои кресла с шумом и пыхтением опустили командиры ракетных частей, прибывшие на совещание.

— Не будем попусту тратить время и приступим сразу к делу. Сегодняшнее совещание не совсем обычное, будем считать его чрезвычайным. Речь на нем, тем не менее, традиционно пойдет о ядерной безопасности. Сложившаяся ситуация настолько серьезна, что я как лицо, более других осведомленное об истинном положении дел, иду на определенный риск и беру на себя ответственность за принятые решения. Сейчас не время вести дискуссии, и мнения ваши по обсуждаемому вопросу меня не интересуют. Однако я потребую безоговорочного исполнения выработанных здесь инструкций. Поэтому, господа генералы, если вас не устраивает форма и стиль моего доклада, то лучше расстанемся сразу, поскольку после ознакомления с содержанием обратного пути у вас не будет.

Генералы сидели молча, их насуленные багровые лица не выражали ровным счетом ничего. Но никто из них не встал и не вышел, не пер-

вый год в генералах ходят. Они понимали, что решения принимают политики, а военные лишь выполняют приказы.

— Приятно выступать в среде единомышленников, — с неприкрытым сарказмом произнес полковник. Но ближе к делу... Нами разработана концепция контроля за несанкционированным запуском ракет. О ней вы узнаете позже, когда в секретариате получите все необходимые инструкции. Однако остается проблема практического внедрения нашей системы непосредственно в частях. Эта проблема находится в вашей компетенции, в компетенции, так сказать, отцов-командиров.

На этом все! Благодарю за внимание и за терпение!

Совещание закончилось так же, как и начиналось, — неловкой молчаливой паузой. Но когда дверь за полковником закрылась, генералы зашумели, внешне негодуя, что военный министр даже не поинтересовался их мнением, а в душе радуясь, что от них не требуется никаких действий, кроме как исполнения приказов. А с этим они определенно справятся, не первый год в генералах ходят.

Ночь, холодно, хочется спать, самое время чайку выпить. А где ж ты его выпьешь, если в караулку не заходишь. Хорошо хоть ребята из казармы салагу прислали. Пока тот кнопку вдавливал, Серега и отлил, и покурил, и несколько ложек холодной каши проглотить успел. А вот чаю горячего не досталось. И повелось уже так в карауле, что всегда остается часовой без чаю. Другой бы смирился с подобным положением вещей, отнес бы их на счет тягот и лишений армейской жизни. Другой, но не Серега! Радиотехник по специальности, целый год прослуживший, способен на многое. Из кармана на свет извлекается самодельный, скрученный из лезвий кипятильник, чай, все это засовывается во фляжку, нужен только источник питания. Да вот и розетка со штепселем, как раз в нее осциллограф включен. Отключать нельзя, не дай бог, на то он сюда часовой поставлен. Но ничего не случится, если немного штепселем вытащить, ну на полсантиметра, да проводки оголенные от кипятильника на пальцы его накинуть. А пальцы у штепселя длинные, проводка к нему идет силовая, поскольку военная аппаратура в плотном контакте нуждается. Ну, все в Серегину пользу складывается, проводка — и та на его стороне! А раз она силовая, значит, кипятильник выдержит. Логичность мышления всегда была сильной стороной этого часового. Но как добраться до вожделенного штепселя, как с кнопкой тревожной быть? Сойди с нее, так она же всю часть на ноги подымет. Не, это она глупому часовому или салаге зеленому — суровый страж, а Сереге — она друг и союзник в его делах и стремлениях. Аккуратно, даже с нежностью, чтобы ни-

чего не повредить, он вгоняет штык-нож в щель между полом и кнопкой. Затем тихонько сходит с надежно заклиненной кнопки и, прислушиваясь к сопению капитана, доносящегося из соседней комнаты, успешно исполняет задуманный план.

Кипятильник солидно гудит, еще бы, такая мощность, трехлитровую банку за сто секунд (засекали) кипятит. Экран осциллографа неожиданно разнообразится рядами чисел и непонятных слов, изнутри прибора слышны щелчки, и когда они затихают, до слуха часового доносится ровный гул, перерастающий в оглушительный рев. Хлопанье дверей, быстрые шаги, удивленные голоса, крик, ругань, вой сирены. Ошалелый капитан, выскакивает из дежурки и мечется по КП, то и дело заглядывая в очко осциллографа и орет на Серегу, который стоит на посту, стоит надежно, как и подобает часовому.

— Ты ... твою ... с поста этого ... не сходил?

— Никак нет! — гаркает солдат в ответ, и на полтона ниже доверительно добавляет, будто разъясняет дурачку, — на кнопке ж стою!

Капитан хватается руками за голову, затем неторопливо и размеренно ударяет ею о стенку. Бум, бум, — раздаются глухие удары.

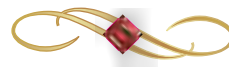
Сереге с интересом наблюдает за поведением капитана. Но однообразные действия офицера быстро ему наскучивают, и он вкрадчиво шепчет:

— Что-то произошло?

Капитан прекращает биться и смотрит на часового, смотрит сквозь него безумными, кровью налитыми глазами, а затем срывается и с бабьим визгом выбегает с КП.

Ох, видать и надрался капитан, вообще ничего не соображает. Вот и доверь такому ядерный щит державы. Хорошо, что хоть не голый побежал. «А в части, видать, учения начались», — думает Серега, незаметно прихлебывая чаек из фляжки.

Вот повезло, так повезло! Пацанам бежать с полной выкладкой, легкие рвать да грязь месить. А он — на посту, и никакие сирены его не касаются, ибо сказано в уставе, что часовой есть лицо неприкосновенное. Благостная теплота растекалась по телу, и спать уже не хочется. Чудо, а не чай. Эх, сигаретку бы еще! Ну да ничего, он потерпит, часовой как-никак, и с поста — ни-ни!

Вера Коваленко

Студентка 5-го курса II медицинского факультета

Говорят: в конце тоннеля — свет... не верю в это... Я думаю, что жизнь не должна ограничиваться стенами узкой пещеры, в которой мы стремимся вперед только от того, что больше некуда...и не знаем, что в конце нее: фонарик, сигнал о переходе на следующий уровень игры или огонь, съедающий все живое; а может там и нет ничего — все иллюзия?..

Нет! Наша жизнь гораздо шире, она выходит далеко за рамки тоннеля наших страхов и оправданий... тут мы не только движемся вперед, мы выбираем путь сами, мы можем свернуть или сократить свой маршрут. На самом деле этот тоннель — только жалкое оправдание тем, кто плывет по течению, не понимая своей цели, боясь обстоятельств и стен-миражей. Препград не существует, они рождаются в нашем сознании, а наши страхи и комплексы превращают их в реальность.

В конце тоннеля нет никакого света! Это мы несем свет... мы сами зажигаем огни на пути, мы сами выбираем, где конец тоннеля...

Нужно верить в это... Нужно знать, что все зависит от нас... ну или почти все...

ВЗАИМНОСТЬ

Взаимопрогибаемость в нашем обществе
очевидна,

Взаимозаменяемость, взаимоугнетаемость.

Наше общество насквозь взаимно,
И не исправить его...

Не перевернуть эту гладь

Чужих и пустых сантиментов.

Старая черно-белая кинолента

Заезжена, нечего переснимать.

Нечего прятать от глаз тех взаимных,

Настолько взаимных, что даже тошнит.

Еще им придется за это воздать,

Придется еще им платить,

Взаимно прогнуться,

Взаимно упасть,

Не вслух матом ругнуться —

Нельзя же себе изменять.

Но есть в бесконечности этой

Печально красивая вещь:

Тут много вершат не мудрейших советы,

И даже не рыцарский меч,

Не деньги вершат справедливость,

А в сумраке дремлет закон.

И долго сторожит этот сон

Большая чужая и чуждая сердцу взаимность,

Что давит со всех сторон,

И душит тихонечко шею,

Не дав сделать лишний нам вдох.

Взаимно любить не умея,

Давайте взаимно убьем,

Взаимно всех возненавидим,

Печалью укроем под гулким дождем.

Сколотим пустую обитель,

Поселим в ней нашу взаимность,

Душою тот дом назовем...

Только гром, свет.

Дрожь.

И тишина. Нет.

Дождь.

Только свет.

Блик из окна.

Сердца будто нет.

Одна.

Или есть

Стук...

Или только бокал
из рук...
Или дождь слишком долго.
Мрак.
А душе слишком томно,
и все не так...
После грома всегда
тишь,
Да такая, что страшно
дышать.
И сидишь,
пьешь свой чай и молчишь,
Будто завтра с нуля начинать...

Если хочешь рядом быть –
Будь так близко, как это возможно.
Научись тепло ценить,
То, что поровну — невозможно.
То, что без остатка отдам,
Только б ни секунды не забыть
И рассказать всем на свете ветрам,
Как с тобою мне хочется быть...
Как не хочется видеть рассвет!
И грустить, что уж время прошло.
Ночь покажется сотнею лет,
Но на прощание не оставит нам ничего.
Я не прошаясь, я буду с тобой...
Но, уходя, не хочу ничего говорить;
Ты же знаешь все сам. И вернусь я домой
Зная, что очень хочу с тобой рядом быть...

Этой осенью мало осадков,
Этой осенью слишком тепло.
Листья мертвые смотрят украдкой
Сквозь запотевшее утром стекло.
Этой осенью слишком тоскливо
Проплывают, лентясь, облака.
А сквозь них солнце шлет переливы,
Отражаясь лучами в глазах.
Этой осенью тусклые звезды.
Этой осенью сильный туман.
Все по правилам, все так серьезно –
Гениально продуманный план...

Сегодня обострилось одиночество,
В моей душе как будто что-то прервано.
Вот только слышать никого не хочется,
И больше тех, кто уверяет: «Это — нервное».
Меня не слышно, будто нету голоса.
Чувство, будто я — прозрачная субстанция...

Сажу у зеркала, расчесывая волосы,
И умоляю отражение: «Останься!»

И умоляю тень свою: «Со мной побудь!
Ведь рядом только ты и тишина».
И хочется звонить хотя б кому-нибудь,
Но счет пустой — услуга временно отключе-
на.

Сегодня я особо сильно чувствую,
Как медленно я отдаляюсь ото всех сама
Не от того, что чем-то хуже или лучше их;
А просто они вместе, ну а я одна.

И все сильнее это чувство с каждым
выдохом.

Как ни пытайтесь, но не сможете помочь.
И даже кажется, что нету больше выхода,
И одиночество мне голову морочит...

Проблема в том, что я уже любила.
Я знаю все об этом помешательстве.
И смех, и слезы — все уж было,
Да только не было предательства.

Проблема в том, что я уже рыдала
И я ныряла в омут, не умея плавать.
И не себя, я свою душу отдавала.
Уже летать училась, научилась падать.

Рассвета я уже боялась,
Предпочитая о минутах промолчать.
Проходит время, ничего мне не осталось,
Лишь в памяти глубокая печать.

Беда не в том, что я уже любила.
Ведь все пройдет — не скажешь «стоп»
календарю.

Горела, тлела и остыла...
Проблема в том, что больше я уже
не полюблю...

Уже не пишут письма... ведь есть же «сети»...
Мы прячемся в «контакты», ставим «смайлы».
Мы, взрослые, ведем себя, как дети.
Там мы уже слова обычные позабывали.
Мы ставим «лайки», делаем «репосты».
Читаем «статусы», не понимая смысла.
Для homo sapiens все это слишком просто.
И я душе своей пишу стихами письма...

Сергей Коваль

Доктор медицинских наук, профессор,
заведующий отделом артериальной
гипертонии Национального института
терапии имени А.Т.Малой НАМН Украины,
член Европейского общества кардиологов
и Европейского общества гипертензии

Поэзией увлекается с детства. В школьные годы был председателем клуба любителей книги им. М.Ю. Лермонтова в сш №3, где под руководством учителя русского языка и литературы, заслуженного учителя СССР Л.А. Лаптевой знакомился с поэзией народов мира. Особое влияние на развитие его литературных вкусов и пристрастий оказало творчество П. Антокольского, И. Андронникова, Н. Тихонова, К. Ковальджи.

В последнее время появилось желание писать стихи на украинском языке, посвященные родной Украине.

УКРАЇНЦІ, СХАМЕНІТЬСЯ !

(Наслідкування великому Т.Г. Шевченкові)

Ви не вб'єте Україну,
Вона ще повстане !..
І як Сонце рано-вранці
У вічі вам гляне...

Запитає: «Хто ж ви, діти?!
Чом же Ви, сліпі?!
Мою душу розірвали,
Як вороги злі.»

Віє вітер, завиває
В козацькому полі,
Де гуляли запорожці
І шукали долі...

Пролетіли чорні роки,
А долі немає...
Брат не розуміє брата,
І свари без краю...

Так, ми різні в Україні:
І віра, і мова...
Один вдачаю багатий,
В іншого — нічого...

Пожалійте свою душу,
Що прийде до Бога!
Дайте людям гідно жити,
Дайте хліб убогим !

Схаменіться, закликаю!
Збережіть Країну!
Віру людям поверніть
В єдину Родину!

Два серця...

Два серця, две души, два мира!
Как долго были вы вдали
От той неведомой земли,
Где слышен звук волшебной лиры!

То звук прекрасных сновидений,
То звук любовных откровений,
То ревности тревожный звук,
То звук печали и разлук...

Два серця, две души, два мира
Могли б не зустрітись вовек
И тихо прожили б свой век
Вдали от сказочного пира!..

МОЛИТВА

Звезды на зимнем небе,
Снег на равнинах бескрайних !
Что же ты — быть или небыль,
Жизнь моя — вечная Тайна?

Мир этот чудный и дивный
Хочется видеть глазами

Добрых людей, пусть наивных,
Тех, что живут рядом с рами!

Дай же мне, Бог, утешенье
В жизни летящей как птица!
Дай от того мне спасенье,
С чем не смогу я смириться!

Дай, если сможешь, мне счастья-
Сердце найти дорогое,
Чтобы сквозь годы, ненастья
Чувство осталось святое!..

...Звезды на зимнем небе,
Снег на равнинах бескрайних!
Что же ты — была или небыль,
Жизнь моя — вечная Тайна !? ...

Женщинам в праздник весны

Прекрасные, чудные, дивные!
Красивые и просто наивные!
С изюминкой, с перцем, с искринкою,
С холодной на сердце льдиною!

Желанные, нежные, страстные,
Спокойные, сильные, властные,
Мечтою своей упоенные,
Покорные, но не покоренные!

Да придет к Вам счастье ...
безмерное!
Я знаю ... — Вы самые
верные!!!

ДРУГУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сияйте небеса! Возрадуйся природа!
Исчезни тьма! Откройся солнца круг!
Прекрасный День весенней сказки года-
День твоего рожденья, милый друг!

Великое таинственное чудо-
Рожденье человека на земле...
Приходишь в Мир, как будто, ниоткуда,
С печатью тайны на своем челе...

То тайна предстоящей жизни:
Любви, страданий, счастья и разлук...
Приемли все в судьбе без укоризны,
Но только не отчайся, милый друг!

Ты сможешь все и все преодолеешь,
К вершине счастья своего взойдешь!

Ты сердцем тысячи сердец согреешь
И душу чистой ты сквозь годы пронесешь!

Сияйте небеса! Возрадуйся природа!
Исчезни тьма! Откройся солнца круг!
Прекрасный День весенней сказки года-
День твоего рожденья, милый друг!

О жизни...

Жизнь и красива,
и печальна,
Жизнь и трагична,
и смешна...

Но почему, ответь, ты тайна?

И почему всего одна ?!

Я Вас не разлюбил-
я Вас возненавидел!
Я с Вами душу погубил,
А счастья так и не увидел...

Вы обаятельны, умны
Вы так добры, великодушны!..
Ах!.. Если б были Вы послушны,
Вы не имели бы цены!!!

НОВЫЙ ГОД

Погасите свет и зажгите свечи,
Затаите дыханье - и придет тот час,
Когда снова мы — малые дети
И Новый Год рождается на глазах у нас!

Нет ни бед, ни волнений, ни усталости лет,
Нет ни тени сомнений, что прекрасен весь свет,
Нет ни лжи, ни печали и подлости нет,
Нет болезней, отчаяния и смертей тоже нет!

Я хочу, чтоб прекрасные лица
Засияли добром и мечтой!
Я желаю мечте Вашей сбыться
И парить в небесах - над землей!

Матьяна Кулик

Студентка 2-го курса II медицинского факультета

Родилась в селе Павловка Богодуховского района Харьковской области.

В 2008 году окончила Павловскую школу с отличием. В этом же году поступила на лечебное дело в Богодуховский медицинский колледж, который окончила в 2012 году, тоже с отличием.

Первая ступень к творчеству появилась в начальных классах школы. Неоднократно читала свои произведения на всех праздниках, как в школе, так и в колледже. Во время учебы в районной газете «Маяк» были опубликованы её стихи.

В 2002 г. награждена дипломом журнала «Соняшник», «За лучшее произведение, посвященное маме», в 2006 г. — дипломом за участие в районном конкурсе «Жизнь дается только раз...», в 2007 г. — грамотой победителя областной выставки лучших работ юннатов «Щедрість рідної землі» по направлению «Практична та дослідницька робота в галузі лісового господарства» (в рамках Всеукраинского конкурса «Мій рідний край, моя земля»), в 2008 г. — грамотой победителя I тура Всеукраинского конкурса «Найкращий читач України — 2008» в номинации «Моя перша книга» за написание и оформление книги-самоделки.

В 2012 году поступила в ХНМУ на лечебное дело II медицинского факультета.

Только ты одна

В моём сердце только ты одна,
Та, что меня в муках родила,
Та, что пела ночью
И шептала тихо: — Не болей!
В моём сердце только ты одна —
Та, что подарила два крыла,
Та, которая всегда
Верила, надеялась, ждала.
В моём сердце только ты одна —
Та, что всю любовь мне отдала,
Та, которая собой
Заслоняла от беды любой.
В моём сердце только ты одна,
Мамочка, любимая моя!
Ты моя опора, ты мой свет.
И тебя прекрасней просто нет!

Моя хата

Моя хата... Моя біла хата,
Де цвітуть чорнобривці в саду,
Де весною із самого ранку
Соловейко щебече в гаю.
Де так тепло, так затишно, мило,
Де калина цвіте на весні,
Де щебечуть пташки галасливо,
Де матуся співає пісні.
Моя хата... Моя рідна хата
Повертаюсь до тебе з доріг —
І ти радо мене зустрічаєш
І впускаєш на батьків поріг.
Твої вікна омиті дощами,
Твої вікна скриплять, як колись,
І минає все горе, все лихо.

До хатини ідеш, посміхнись.
Моя хата... Моя мила хата
Завжди буду я вячна тобі,
Бо багата на спогади хата
І все краще тримає в собі.
По яких би дорогах не йшли ми,
По яких не блукали світах,
Завжди ми повертаєм додому,
Де хатина чекає на нас.

ПРО ШО ГОВОРЯТЬ ЖУРАВЛІ

Про шо говорять журавлі,
Які летять так високо у хмарах?
Про рідний край? Про перли неземні?
А може, про свою долину в травах?
А може, про збудоване гніздо,
Яке залишиться чекати весну?
А може, думають птахи про те,
Как долетить в краї чудесні?
А може, думають про переліт,
Про безліч річок, про моря, про гори,
Про те, чи долетять вони туди,
Де безліч їжі й теплоти доволі?
Летять, зникають в небі журавлі,
Курличачи над рідними місцями.
Розтане сніг, й повернуться вони,
Весну зелену вже зустрінуть з нами.

МАМИНІ РУКИ

Мамині руки, теплі й ласкаві.
Мамині руки пахнуть казками,
Мамині руки не знають утоми,
Мамині руки завжди з тобою.
Мамині руки пахнуть хлібами,
Що колосяться у полі нивами.
Мамині руки — це теплі долоні,
Що зігрівають нас завжди у горі.
Мамині руки — щасливе дитинство,
Що колихали тихенько колиску.
Мамині руки — невпевнені кроки,
Що нас тримали завжди під боки.
Мамині руки — пісні колискові,
Що заберем ми в дорогу з собою.
Мамині руки — це ціле життя.
І завжди про це пам'ятатиму я.

ТВОЙ ГОЛОС

Твой голос... Он звучит во мне.
И даже в этой долгой тишине.

Твой голос... Он всегда со мной,
И тёмной ночью, и дождливым днём.
Твой голос — словно утренний рассвет,
Такой же сладкий, слаще он конфет.
Твой голос — будто капельки росы,
Такой же чистый, как мои мечты.
Твой голос — это всё что слышу я,
Твой голос — он нежнее ветерка.
Твой голос — словно тихая река.
Его я слушать не устану никогда.
Так пусть же голос твой
Всегда звучит во мне:
И днём, и ночью, и в коротком сне.
Твой голос, словно маленький магнит,
Пусть музыкою в сердце зазвучит.

ПОДАРИ МНЕ ОБЛАКА

Подари мне, милый, облака,
Что плывут неведомо куда.
Подари мне утренний рассвет,
Ведь его прекрасней просто нет.
Подари мне солнца яркий свет,
Подари мне звёздочку с небес,
Подари мне тихий плеск реки
Луговые, яркие цветы.
Подари мне песни соловья,
Маленькую капельку дождя.
Подари солёный океан,
Разноцветной радуги обман.
Подари мне, милый, все моря,
Подари мне в небе журавля,
Хмурую улыбку сентября,
В золото одетые поля.
Подари, любимый, мне весь мир,
Где бы были мы с тобой одни.
Подари мне нежность, теплоту
И шепни тихонько:... «Я люблю...»

ОТПУСКАЮ. ЛЮБЛЮ. И СТРАДАЮ.

Отпускаю... Люблю... И страдаю...
Уходи! Но от боли рыдаю.
Не звони, не пиши, не являйся!
Ведь тебя я люблю! Возвращайся.
Не спеши ты ко мне на свиданье,
Я прошу, я тебя умоляю!
Нет, спеши, нет, беги, спотыкайся.
Я люблю! Поскорей возвращайся!
Эти руки, глаза и улыбку
Полюбила — большая ошибка.
Полюбила, теперь вот страдаю
И от этой любви погибаю.

Филипп Лавров

Студент 4-го курса II медицинского факультета

Интуиция... Доверяете ей? Она порой способна вывести заблудившийся на мгновение корабль из темных вод. Но только если полностью довериться ей в нужное время и в нужном месте. Если же этого не сделать, она обижается и в следующий раз уже не кричит так громко. Она не требует много внимания, а помощь может предложить искренне дружескую. Держитесь с ней одного пути.

М УТЬ

Сколько дней за спиной...
Там есть жизнь, там пространство альтернатив
Кует твои судьбы.
Свет дневной над тобой
Что вчера было морем, превращает в залив.
Выплыть дальше — вот путь твой.

Пробиваясь сквозь дебри,
Рубить джунгли безобразною жесткой рукой
И вперед без оглядки...
Против северных ветров
Бежать, разбиваться, бодаться с судьбой.
И играть с нею в прятки...

М

Шия, руки, груди, живіт —
Всі чекають нових пояснень.
Занурись в свій маленький світ,
Схованку відчуттів прекрасних.
До моєї душі навпростець
Ти крокуєш щодня і щоночі,
Одночасне стискання сердець
Провокує наш погляд крізь очі.
Твоє серце жене мою кров...
В моїх легенях твоє повітря.
Сильний спалах зсередини знов
Розриває приємно цей світ мій.
Сьоме небо — тепер то наш дім,
Тож давай мандрувати на хмарах!
«Капітане, куди полетим?»
А він знає? Він тоне у чарах.

К АРУСЕЛЬ

Привязав себя за ноги
К нелепой карусели самоуничтожения,
Он пресекает любые движения.
Наверно... хочет родиться заново.

Толпу раздирают волнения:
Что же случилось с тем славным малым?
Отчего ж неожиданно стерся он, сдал он?
Бытуют различные мнения.

А ему бы вернуться к истокам,
Где зелена трава и кристально чиста вода
Вот сейчас бы сорваться и попасть туда,
Где ключи есть ко всем дорогам.

Различные он рисовал картины,
Когда бурлила в диком танце его кровь,
Но расслабляющая прелесть тех миров
Только казалась чистой и невинной.

К его несчастью, лишь один,
Один лишь мир, что так на наш похож,
Неутомимо обращал всю правду в ложь.
Не он был в этом мире господин.

М УМАН

Туман...
Все пусто и изжито.
Ты где-то этой мглою скрыта,
Но я вспорю этот карман!

Обман...
На кожу оседает влага.
Во мгле неведомое благо —
Я вижу грациозный стан.
Бегу...
Вода, по лужам метры,
В мой парус бьются злые ветры.
Ты на далеком берегу.

В снегу
Твое изысканное платье.
Ты королева иль проклятье?!
Я побороть его смогу.

О ТОЙ БІК СОНЦЯ

Там, за Сонцем, щось є.
Щось велике та моє.
Та не побачити це диво вдень,
Бо здатне випалити кисень із легень!
Я щось вбачаю там вночі —
Сонце уходить відпочити
І відкриває серцю зір,
І ось — я серед сивих гір
З диханням свіжості твоїм
Лаштую найтепліший дім!
Де зранку кава запашна,
Де кожен день — мою!

Ранковим птахом за поріг
Втечеш ти, щоб побачити сніг,
Залишивши наздоганяти сни,
Принесені з земної даліни.
Та я розплющу швидко очі,
До снів без тебе не охочий,
Пірну в реальності тенета,
Де справжня муза у поета
Стає насиченістю днів!
Де щастя — чути її спів!
І вниз з верхівок піднебесних
До цих очей, простих і чесних
Вернусь із радістю життя —
Бо все живе — це почуття!

І Сонце знов пройде свій шлях по небосхилу.
Та диво втримати воно не має більше сили!

И если холоден снег
И ты идешь как по льду
Поступью хрупкой печали...
И не один печаль длится век,
И деревья сухие в твоём саду
Теплых дождей не знали,

Ты постучи в мою дверь,
Я камин разожгу
И чай приготовлю вкусный.
Отогреется добрый зверь,
И на твоём берегу
Никогда уж не станет грустно.

Что-то шевелится внутри,
Щиплет эндокар.
Еще есть время до зари,
Когда наступит март.
Еще немного твоих слов,
Столь светлых в темноте,
И дух искрится, он здоров,
Он отражен в звезде!
Я не хочу сграбастать ночь,
Отдать сухому дню.
Хочу с тобою, Солнца дочь,
Предаться я огню
И не сгореть в момент дотла.
А раньше был так смел!
Суметь добратся до утра,
Огонь чтоб так же грел.
И в следующем хмуром дне
Успеть взрастить цветы,
Чтоб наша жизнь в своем звене
Расправила мечты.
Это шевелится во мне
Былая моя соль...
Досада в сломленном звене
Играет свою роль.

МИМОЛЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

Мимолетное счастье — подарок,
Когда карма выше нуля.
Но из-под ног не уходит земля,
Пыл сердечный и вовсе не жарок...
Хорошо тебе спится, заря.

Говорите, пускайтесь вниз,
Каждый раз отравивши крылья?
Я готов, я всю душу вылью
В жар горящих углей на бис.
Я готов, час — не мой каприз.

Владимир Лесовой

Член-корреспондент Национальной академии медицинских наук Украины, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, заслуженный врач Украины, доктор медицинских наук, профессор, ректор

Харьковского национального медицинского университета, директор Харьковского областного клинического центра урологии и нефрологии имени В.И.Шаповала, заведующий кафедрой урологии, нефрологии и андрологии Харьковского национального медицинского университета

Одним из многочисленных увлечений Владимира Николаевича является любовь к истории, в том числе и к истории родного университета. Об этом он может рассказывать бесконечно. На вопрос о том, когда он находит время для такого увлечения в напряженном графике работы, у ректора один ответ: «Вне памяти, вне традиций и культуры нет личности».

Судьба подарила Владимиру Николаевичу немало встреч с неординарными личностями, которые творили историю страны, университета. Одним из таких является его учитель Владимир Иванович Шаповал, профессор, доктор медицинских наук, основатель Харьковского областного клинического центра урологии и нефрологии. Жизненные уроки профессора В.И. Шаповала глубоко врезались в память его ученика и сыграли большую роль в становлении его жизненных приоритетов.

Из воспоминаний об Учителе...

Заслуженный деятель науки Украины В.И. Шаповал был интересным и неординарным человеком как педагог, как врач-хирург и как ученый.

Аудитория кафедры урологии во время лекций В.И. Шаповала всегда была переполненной, на лекциях присутствовали студенты других курсов, факультетов и даже других институтов (ассистентам часто приходилось приносить дополнительные стулья). Это было вызвано двумя основными причинами.

Во-первых, блестящим ораторским мастерством лектора, который, как правило, подавал учебный материал в виде рассказа об интересном факте, постепенно как бы вплетая в него предусмотренный темой материал. Так, на примере истории болезни Петра I он рассматривал патогенез, диагностику, лечение и осложнения инфравезикальной обструкции, сравнивая возможности того времени и современной медицины.

Во-вторых, недостаточным развитием таких междисциплинарных предметов, как андрология и сексопатология. В связи с чем ответы на многие т.н. «интимные» вопросы будущие специалисты могли услышать только на кафедре урологии.

Владимир Иванович принадлежал к когорте врачей, которая берет начало со времен Гиппократов, их врачебным кредо было убеждение, что лечить надо не болезнь, а больного. Поэтому во главу угла он ставил, прежде всего, общение с больным, а не выявление исключительно урологических проблем. В итоге нередко выявлялась причина заболевания, не связанная с мочеполовой системой.

Владимир Иванович прекрасно знал топографическую анатомию и спустя много лет после окончания университета во время операций часто демонстрировал прекрасное знание латинской терминологии.

Шаповал был виртуозным хирургом — его отличало предельно аккуратное обращение с тканями. При этом нужно иметь в виду, что из-за ложного сустава правой руки, ставшего следствием боевого ранения, некоторые движения были ограничены, и он пользовался специально для него изготовленными инструментами с удлиненными браншами.

Значительно позже я узнал, что хирургическую деятельность Владимир Иванович начал будучи фельдшером партизанского отряда, т. е. задолго до того, как стал дипломированным врачом. Во время проводимых по жизненным показаниям оперативных вмешательств его помощниками были только имевшиеся в партизанском отряде атласы и пособия по хирургии и анатомии, ну и, конечно же, вера в успех.

Такой же яркой и стремительной была и научная карьера Владимира Ивановича. Так, в 1954 г. он первым в СССР доложил результаты применения радиоизотопов в изучении функции почек по т. н. клиренсам. Учитывая существовавший в те годы «железный занавес» и то, что первая работа на Западе была опубликована в 1952 г., можно смело утверждать, что это были первые в мире параллельные независимые исследования по этой теме.

Сотрудникам кафедры В.И. Шаповал предоставлял полную творческую свободу, что не исключало постоянного контроля. Так, определяя сроки выполнения поставленной задачи, Владимир Иванович всегда неожиданно интересовался результатами. Многие из нас помнят свое неловкое ощущение, когда на заверения о готовности научной работы и просьбу отсрочки ее подачи на несколько дней, Владимир Иванович просил показать ее такой, какой она выглядит в данный момент.

В своих сотрудниках Владимир Иванович всегда старался найти и развить творческую составляющую. К нему было бессмысленно приходиться с вопросом, не имея на него варианта ответа, а желательно и нескольких. При этом он с удовольствием их обсуждал, утверждал какой-либо из них или подсказывал направление поиска возможного решения. Те сотрудники, которым были характерны только исполнительские качества, как правило, не задерживались на кафедре В.Шаповала.

Владимир Иванович как человек, обладающий незаурядным чувством юмора и философским взглядом на события, никогда не держал обиды, если видел, что это произошло не по злому умыслу, а, разобравшись в чем дело, мог даже сам посмеяться. Если же действия были спланированы, он надолго сохранял недоверие к такому сотруднику.

В этой связи поучительна одна новогодняя история, произошедшая на кафедре. У Владимира Ивановича был большой список (более 100) адресов друзей и знакомых, которым он направлял почтовые поздравления. В эру печатных машинок это выглядело следующим образом. На приобретенные открытки и конверты лаборантки наносили машинописный текст, после чего Владимир Иванович их подписывал и вместе с деньгами на марки вручал одному из молодых сотрудников кафедры для отправки по почте. В канун очередного Нового года открытки и деньги на отправку были вручены новой лаборантке. Миновали праздники, все приступили к работе, и вдруг Владимиру Ивановичу стали поступать звонки от секретаря обкома, прокурора области, руководителей урологической службы Киева и Москвы, других коллег с благодарностью за оригинальное поздравление и тревогой о том, почему уважаемый профессор 31 декабря оказался на крохотной отдаленной железнодорожной станции в другой области без копейки денег и вынужден был отпра-

вить поздравления без марок. В связи с этим все его открытки почтальоны вручали лично, взяв при этом плату за доставку. Как выявило «расследование», молодая лаборантка, отправляясь за несколько дней до праздника в новогодний тур с друзьями, поручила рассылку открыток маме. В свою очередь мама тоже не нашла времени посетить почту и, уезжая на праздники в деревню, взяла открытки с собой. Прибыв на свою станцию утром 31 декабря, она обнаружила, что там имеется только почтовый ящик и приобрести марки нигде. Тогда ею и было принято «мудрое» решение опустить конверты без марок. Владимир Иванович часто веселил своих гостей этой историей. Однако марки после этого случая приобретались и наклеивались заранее, а затем открытки отправлялись на почту постоянным сотрудником.

Следующая история иллюстрирует, выражаясь современным языком, правильную промоцию. В 60-е годы партия не только проводила строгую селекцию по подбору резерва на работу в республиканские и центральные органы управления, но и контролировала эту деятельность.

В один из летних месяцев Владимир Иванович, молодой профессор, фронтовик, был приглашен в Обком партии к представителю ЦК КПУ, который прибыл для собеседования с лицами, внесенными в список кадрового резерва. Будучи хорошим психологом и не имея желания перемещаться на работу в органы власти, Владимир Иванович надел соломенный брыль, льняную вышиванку с коротким рукавом и в назначенное время прибыл в кабинет секретаря обкома по идеологии, где расположился заезжий чиновник, соответственно моменту облаченный в костюм и белую рубашку с галстуком. Несмотря на ответственность и строгость обстановки, Владимир Иванович держался свободно, был нарочито весел, эмоционален и говорил громко, ссылаясь на боевую контузию. Беседа была непродолжительной и закончилась в доброжелательной атмосфере. Впоследствии секретарь обкома несколько раз интересовался у Владимира Ивановича подробностями этой беседы, недоумевая, почему проверяющий настоял на его исключении из резерва. Это пример того, как человек, работающий на искомый результат и прогнозируемое впечатление от короткой встречи, должен продумывать все мелочи, не забывая и о том, что «встречают по одежке».

Владимир Иванович Шаповал ушел из жизни после длительной болезни 24 сентября 2001 года. Несмотря на болезнь, этот уникальный человек практически до дня своей кончины не оставлял работу.

Яркий жизненный путь заслуженного деятеля науки Украины, доктора медицинских наук, профессора Владимира Ивановича Шаповала — одна из золотых страниц истории нашей страны и нашего университета.

Светлана Матвеева

Доцент кафедры фтизиатрии и
пульмонологии, кандидат медицинских наук

Бежать, если все время быстро бежать, можно
оставаться на месте.

(«Алиса в Стране чудес»)

Только закрыв за собой дверь, можно открыть
окно в будущее.

(Франсуаза Саган)

Старт остался далеко позади, финиш еще не
виден, а я все время в пути.

ГИАЦИНТОВЫЙ ЭДЕМ

Возьмем полпинты рома
И убежим из дома,
И ярких гиацинтов
С собой захватим пук.

Весной вскопаем грядку
И строго по порядку
Посадим гиацинты
И сладкий красный лук.

И в маленьком домишке
В горшочке с плотной крышкой
Мы сварим гиацинтовый
Лилово-красный суп.

И утренними росами
Пройдем ногами босыми —
Обсадим гиацинтами
Сухой старинный дуб!

КАВКАЗ

Медленно овцы бредут по горам
Путь их вечерний ведет к родникам.
Эхом разносится крик пастуха
Поступь его не слышна — так легка.

Горной реки несмолкаемый рокот,
Белой березы застенчивый шепот
Ночью лавин устрашающий грохот,
Туров, с вершины сбегающих, топот,

Сосен зеленых и снега дыханье,
Милой Балкарии очарованье,
Ферму Ледовую, холод ручья,
Нежно храню в своей памяти я.

«Когда волнуется желтеющая нива...»
М.Ю.Лермонтов

Когда в июне дождь стучит в твое окно,
И весь в цвету, жасмин благоухает,
И летним вечером лишь облако одно
Пылает, тает и с закатом догорает,

Когда альпийский луг ковром укрыт
Из розовых пионов и гвоздик,
Когда орел над ним взлетает и парит
И вдруг застынет, замерев на миг,

Когда в Крыму под Караул-Абой,
Где в каменистый склон впилась сосна,
Над Царскою лагуной голубой,
Бушует чаек вечно шумная игра,

Тогда душа восторженно ликует
Тогда тоска сгорает вся дотла,
И ум, и сердце — все тогда пирует,
И жизнь уж кажется приятна и легка.

Над небом и над полем
Висит лимона долька.
И тихо, и привольно,
Звучит лишь где-то полька.
Сыграй-ка, мне дочурка,

Любимый мой вальсок,
Пока горит печурка,
И сушится носок.

«Поставь ребром монетку
На желтый песок,
Увидишь, как покатится
Серебряный кружок»

Не греют, не ласкают
Уж больше огоньки.
В камне догорают
Лишь в пепле угольки.

Эти зеленые ивы
Просятся прямо на холст.
Ветер июльский лениво
Трогает пряди их кос.

Выгорел луг косогора.
Срезана низко трава.
В чаще далекого бора
Глухо рыдает сова.

Вытащи лодку на сушу
Твердою крепкой рукой,
Лето согрело мне душу,
Осень приносит покой.

Моему мужу Андрею Бастееву

На картине нарисованы березы
В голубой дали кавказских гор,
Мой любимый, вытри мои слезы,
Их никто не видел до сих пор.

Ты так далеко, и так ты близко,
Ждет твоих шагов мое крыльцо.
И теперь с иконкою на низке
Я всегда ношу твоё кольцо.

Замело. И топчешь ты дорожку
В желтом круге света фонаря
Дров бросаешь в печку понемножку,
Чтоб тепло не уходило зря.
Скоро от калитки до порога
Стежкой узкой пролегла дорога
Снег кругом, но в домике тепло,
Ожиданьем встречи все полно.

Здесь когда-то мы жили вдвоем,
И пока наш стоит старый дом,

Наши души останутся в нем,
Навсегда в том саду, в доме том.

И когда обнявшиеся тени
В сумерках тропинкою пройдут,
Наши дети, внуки на аллее
Лунный свет когда-нибудь найдут.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВНУКА

Есть у нас один цветок,
Нежной розы лепесток,
Ненаглядный, богом дан,
Окрещен как Иоанн.

Позолота летних дней
Озаряет детский лик.
Звездная луна ночей
Драгоценного хранит.

Ангел, Ваню береги!
Луна, ночью не буди!
Ветер, колыбель качай!
Ясным, день, его встречай.

Дай ему тепло и свет,
Материнских глаз привет.

I cross the street, I have a dream

Прилетай, мой ангел!
Для тебя всегда открыта дверь.
Знает только ангел,
Как мне одиноко здесь теперь.

Зажгу в ночи свою свечу
И к твоему склонюсь плечу.

Прилетай, мой ангел!
Твое имя я в ночи шепчу.
Улыбнись мне, ангел,
Слышишь, как я плачу и кричу.

С собой унес ты все ключи
От мира, света, я – в ночи.

Прилетай, мой ангел!
Как давно мы не были вдвоем.
Будь со мною, ангел,
Вместе нашу песенку споем.

Дрожит свеча во тьме ночи,
Лети на свет моей свечи.

Дария Молчанюк

Студентка 4-го курса II медицинского факультета

Помимо одежды, каждого человека все равно окутывает дополнительная оболочка с избирательной проницаемостью. Таким образом мы защищаемся. Но существуют моменты, когда хочется почувствовать свободу и обнаженность мысли. Бывает, иду по улице в самый обыкновенный день — вокруг толпы людей, ряды общественного транспорта, шум, оживленность... А потом внезапно начинаю ощущать дискомфорт. Оттого, что мысли, закованные в голове, беспорядочно суетятся, начинают вскарабкиваться наружу. Что же делать? Куда убежать? Тогда я бегу в свой приют. У него нет постоянного адреса, это приют-эмигрант. Он имеет способность вырасти где угодно и когда угодно. Главное — не прозевать его появление и стремительно скрыться в теплых и родных стенах.

У многих людей есть такой приют. Мой я называю «Поэзия», где есть две подружки — Ручка и Вдохновение. Они помогают расплескивать сосуд с эмоциями или же наполнять, если он пуст. Из приюта я выхожу обыкновенным человеком, замороженным будничными делами и проблемами, но с волшебным листочком в руках. На нём строки, выношенные и рожденные моим «внутри».

ИГРА

Скажи, что сделать мне — и я сделаю.
Скажи, что мне сказать — и я скажу.
Скажи, что хочешь — сердце, душу, тело ли?
Скажи — дай воздух. Всё — я не дышу.
Скажи — исчезни. Я растаю в облаке.
Скажи — вернись. Я упаду с дождём.
Закроешься... Я окажусь на зонтике...
И всё равно с тобой будем ввоём.
Скажи — уймись. Но тут я не послушаю.
Я буду беспрерывно продолжать.
Ты скажешь «Нет». Отрежу себе уши я.
Бороться буду, верить, просто ждать.
Ты скажешь: «Перестань меня преследовать!»
Тогда я откажусь от своих глаз.
Но буду рядом... без твоего ведома.
Не будут знать тебя, а только НАС.
Ты скажешь: «Отойди! Не обнимай меня!»
Не хочешь?! Тогда руки не нужны.
Калека я, без слуха и без зрения.

Но счастлива, ведь это ты решил.
Ты скажешь: «Стоп! Прости, какой я глупый!
Люблю тебя! Я просто поиграл...»
Спасибо, что оставил мне хоть губы,
Чтоб их в конце игры поцеловал.

Так приятно звать тебя Ангелом.
Так привычно и так естественно.
Ведь глаза твои каро-небесные,
в них волшебной жидкости ампулы.

Твои крылья летят. Монотонные.
Они тёплые и всесильные.
Измеряем мы счастье милями,
а любовь едим целыми тоннами.

Кожа ангела гладкая, плотная.
К ней касаясь, в нирване будто бы.
И твой запах ни с чем не спутаю:
Пропитались забитые легкие.

Завоевана многонадцатикратно.
В войне под стать Мировой.
Говорить с придыханием «Ангел мой»...
Что можно придумать приятней?

МОГОДА В ДОМЕ

Осень нас будит влагой по стеклам.
Стали рассветы до жути тускнеть,
крылья у бабочек насквозь промокли —
высушить их не получится впредь.
Мокро, тоскливо. Тут лондонский сумрак:
чвакают туфли, а ноги в грязи...
И по Советской шагаешь бездумно,
зонт над собой, будто флаг, водрузив.
Так-то. А где-то — тепло, словно в пладе.
И не машины, а море шумит.

А знаете, харьковский воздух вреден!
Только вдохнул — и по-зверски знобит...

ЧЁМ ГОВОРIT ФУНТИК

Поделитесь частичкой радости,
ведь мы все заслужили поровну.
Не побрезгуйте местом гадостным,
посмотрите в другую сторону.
Не пройдите мимо страдающих:
даже доброе слово весомое.
И улыбка, и взгляд... понимающе
охвативший глаза нездоровые.
Не жалеите счастья, делитесь им!
если рюмка полна — соседу дай.
Гоните долой свой пафосный грим,
Нельзя под девизом прожить «отстань».
Кому-то зеро, кому бесконечность:
по-разному свыше мы награждены.
Чтоб сами могли бы быть человечней,
Чтоб сами потом становились людьми.

ЗАРИСОВКА ГРУСТИ

Мне стал противен алкоголь.
И его отсутствие.
Поучения приносят боль.
И пустые напутствия.
Достаю, как клинок из ножен
Я сверходиночество.
Иногда презираю прохожих.
Бывает, и в целом общество.
Я почти разучилась чувствовать.
Псевдослезы и псевдосмех.

Даже лень возражать и буйствовать!
Мэри Шелли? Я не из тех.
Меня гложет слово «обязанность».
И его последствия.
Благодарность, верность, привязанность...
Создают стихийное бедствие.
За не строгость рифмы простите.
Теряю творчества снасть.
Я прошу — в душу мне не сорите.
Хочу одиночества сласть.

СЛОВОЗАМЕНИТЕЛЬ

До боли мало сказать «привет».
До неприличия мало — «скучаю».
Я вникаю и замечаю...
Полноценных-то слов и нет!
Заблудшие дети черствых умов,
Окруженные в книжные стены.
Пресловутые правила, схемы...
В мире нет полноценных слов.
В словарях вы как будто пленники,
И выход вам — лишь через рот.
Человек вас берет и жжет!
Лексикона запас-то бедненький.
Распыляет, как гель для укладки
Каждодневно и беспардонно.
Произнося монотонно
Или так, что аж слушать гадко!
Но в вас пустота. И это грустно.
Изнутри меня гложет мечта —

Чтоб вместо слов изо рта
В чистом виде летело чувство!...

АЧИЛОЧКА

Тільки не відмовляйся, благаю!
Я буду плакати день чи два.
Можливо, рік або два... Не знаю.
Не варить свідомо моя голова.

Я лиш вимолюю право на шанси.
Один або два... А краще — три.
Адже приємно без зайвих нюансів
Тримати на грудях руки твої.

Прошу, залишся хоча б на годину...
На три, чотири, а може — на сім?!
Бо втративши з зору твоє рідне тіло,
Я лікті собі покусаю і з'їм.

Наталья Некрасова

Доцент кафедры нервных болезней,
кандидат медицинских наук

В попытке успеть переделать все дела мы спешим, торопимся, строим планы на будущее, взваливаем на свои плечи новые и новые обязательства и совершенно забываем, что мы живем здесь и сейчас в это мгновение. Ощутить этот миг, прожить его и быть счастливым не завтра, не после того как, а здесь и сейчас — вот, наверное, главное искусство жить.

Она ждала вечер, месяц, год.
Поземкой нес ветер ледяной восход.

Она ждала летом, ждала зимой
Его письмо где-то, к ней — одной...

Его письмо — тонко, на перекладных,
А пришла похоронка: ударом под дых.

Чем шире мои объятья,
Тем легче меня распять.
Но ты — мое заклятье,
Без тебя не летать.

Мне без тебя пусто,
Без тебя — ночь,
И кажется уже не нужно
Что-то мочь.

Выдохнуть получилось,
А как вдохнуть?
Сердце разбилось.
Тебя не вернуть.

Плачешь? Не стоит, не нужно.
Он не поймет.
А что душа застужена...
Ничего, пройдет.

Больно? Бывает похлеще.
Перетерпи.
Ты же не просто женщина,
Женщина в любви...

Что замолчала? Нечего?
Нечего сказать.
А как ты хотела, женщина,
Грея, не сгорать?

Цыганка

Околдовала, заморозила,
Взором бесовским сердце вскружила.
Танцем искрящим, ликом цыганским
Мигом горящим ожили краски.

Болен художник твоей красотой,
Болен, молодая цыганка, тобою.
Нет у ни сна, ни покоя, ни света —
Есть только ты с вечера до рассвета.
Образ божественный иль дьяволиный,
Словно осколочек в сердце хранимый.
В бликах огня увековечен,
В бубен звенящий танец твой вечен.

Табор уходит, в сумерках тая,
Манит с картины цыганка молодая.

Я не вернусь однажды,
Не прикоснусь к щеке
Не промелькну даже,
Даже вдалеке.

Я навсегда исчезну,
Сожгу стихи.
Брошу себя в бездну
Холода и тоски.
Чтобы в твоём сердце
Остался свет,
След моего счастья,
Мой след.

Холодно — не когда мороз,
Не когда пурга.
Холодно — когда до слез
И до крови — вот тогда.

Я говорю тебе: прощай,
Чтоб стало легче жить.
И я не буду обещать,
И не смогу забыть.

Но нету сил смотреть в глаза,
Где только тень,
Того, что было, но увы...
Вчерашний день.

Я говорю тебе: прощай,
И в горечи горю.
Прошу тебя, не возвращай
Вчерашнее — Люблю.

Фреска. Век семнадцатый.
Догорел камин.
Солнца лучик зайчиком
Краски одарил.

И сюжет волнующий
Мир увидел вдруг:
Он она — чарующий
Танец губ и рук.

Он она — объятие
Торжество любви,
Вечное зачатие —
Страсти жар в крови.

И столетия минули,
И не тот камин,
Только зайчик солнечный
Фреску оживил.

Так на других была похожа,
Но все же тоньше всех она,
Как-будто волосок на коже
Струилась первая струна.

И вроде бы одно начало
В основе всех из семи струн,
Но лишь одна не так звучала
И голосок был слишком юн.

Он никому не подчинялся,
Под стать другим быть не хотел
И с сестрами он не сливался,
О вышине безумный пел.

Неподражаем был, свободен,
Не усмирить его ничем,
О как же был он неудобен,
Как неподвластен был он всем.

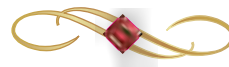
И сестры-струны отвергали
Ее звучанье и тепло,
Холодные не принимали
Того, что им ведь не дано.

Она, безумная, звучала,
Дрожала вся в плену огня,
Под пальцами — торжествовала
И пела, всей душой звеня.

Но этот звук был слишком молод,
Был слишком чист, непогрешим,
А организм ее так тонок
Для столь божественной души.

И вдруг однажды зазвучала
И птицей в небо поднялась,
Мечту мелодией венчая,
Струна от счастья порвалась.

И замер голос неподвластный —
Лишь две частицы волоска,
А в вышине лазурной сказкой
Звучало эхо голоска.

Заведующая сектором научного абонементов отдела обслуживания научной литературы научной библиотеки ХНМУ

Коренная харьковчанка. Закончила Харьковское училище культуры по специальностям аккомпаниатор и организатор досуговой деятельности, а также Харьковскую академию культуры по специальности библиограф. С 2008 года работает в научной библиотеке ХНМУ.

Поэзию полюбила давно, увлекаясь творчеством А. Блока, Н. Заболоцкого, Н. Гумилева, И. Бунина и др. Свои стихи начала писать по большей части недавно и опубликовать решила впервые. Считает, что темы в творчестве могут быть самыми разными, но писать стихи стоит только тогда, когда у автора имеется собственный взгляд на то, о чем он пишет, свой угол зрения. Помимо поэзии интересуется живописью, рукоделием, музыкой.

МАНЦОВЩИЦЕ ФЛАМЕНКО

Нет в Малаге таких кварталов,
И улицы такой ты не ищи,
Где хоть бы раз тоской не отпылали
Созвучия истерзанной души.
Где острой бритвой крест вонзился в небо,
Где свечи копьями восстали на Христа,
Где жадный сладострастный демон
Таится даже в ангельских чертах.
Где ритмы беспорядочные дробно
Крушат пространства молчаливых сфер,
Она царит, крылато и свободно,
Зарницей правды в мареве химер.
Вот зябко повела плечами,
Приливом сладостным полна,
О ней, такой, всегда ночами
Томила не одна струна.
Небрежно увенчав гвоздикой
Копну струящихся волос,
Сжигает взглядом полудиким,
Ловя толпы немой вопрос:
Откуда женственность такая,
В неистовстве парящих рук,
Беспечность, что с огнем играет
И птицы раненной испуг?
Ты жрица тайного ученья,
Служительница культа тьмы,
Колдунья, сеющая зелье
На темной стороне луны?
Смешок короткий, диковатый

Прервет на миг чеканный ритм,
И от непонятой утраты
Невольно сердце зашемит.
И хоть душа от боли рвется,
Пропитанная ядом чар,
Толпа за нею вслед смеется,
Звериный выщерив оскал.
Ты не богиня золотая
Из трюмов мертвых кораблей,
Не грешница и не святая,
Не дочь всесильных королей.
Но темных глаз разрез миндальный
Напомнит всякому без слов
В тумане смутное мерцанье
Цыганских тлеющих костров.
Нет, видно только у цыганки
В душе вместиться может то,
Что вихрь фантазий самых ярких
Не в силах увязать в одно.

ОСЕНЬЮ НАЕДИНЕ

Лишь утки гнездятся пугливо
На этом пустом берегу,
Да ветер кружит над обрывом,
Гоня сухую листву.
Склонились опавшие клены
Над стылой озерной водой.
Прощальной предзимней истомой
Пронизан окрестный покой.
Ничто тишины не нарушит,

Лишь плеск донесется порой.
Замри ненадолго и слушай,
Как лес говорит сам с собой.
Слегка прикоснувшись к тайне
Живого его естества,
Укройся незримою шалью
Осеннего колдовства.
Не думай, душою немея,
О том, что давно пережил:
Совсем не для грусти на берег
Ты этот застывший приплыл.
Ты здесь, чтоб на миг потревожить
Застывший зеркальный мираж,
Похожий, и вдруг непохожий
На мир перевернутый наш.

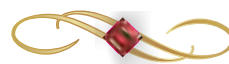
УЗВЕЧНАЯ ТАЙНА ДЖОКОНДЫ

С затаенным движеньем
Всевидающих глаз
И умиротвореньем
Она смотрит на нас.
Цепкий взгляд проникает
До глубин естества,
Горделиво мерцает
Позолота лица.
От игры светотени
Оно словно плывет,
То настойчиво манит,
То смутно гнетет.
Она будто смеется,
Издевку тая,
Неприступна как солнце
И проста как земля.
Грозовой плащаницей,
Заслонив бытие
Вязкий сумрак клубится
За спиной у нее.
Что там прячет украдкой
Студенистая даль?
За загадкой загадка,
За вуалью вуаль...
Безграничное в малом,
Так задумал Творец:
У истоков начала
Все найдет свой конец.
Но не вычерпать моря
Вселенских глубин,
Эту истину понял
Да Винчи один.
Нет, не зря Леонардо
Темнокудрым венцом
Оттенил молодое
Как вечность лицо.
Перед сонмом народа

Неизменно одна,
То сама Мать-Природа
Дразнит нас с полотна.

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Из всех искусств высоких издавна,
С чем вряд ли будет спорить кто-то,
Профессия врача окружена
Особенным вниманьем и почетом.
Самоотверженна и нелегка,
Порою давящая тяжелым грузом,
Она сумела быть во все века
Обласканной литературной музой.
По-видимому в ней заключена
Такая притягательная сила,
Что будущим писателям она
К вершинам творчества дорогу осветила.
Софокл, Рабле, и Шиллер, и Уэллс,
О'Генри, Моэм, Конан-Дойл, Булгаков
Не праздный к медицине интерес
Выказывали с мастерским размахом.
Разламывая косности барьер
Сатиры беспощадным словом,
Смеялся со своих страниц Мольер
Над торгашами с докторским дипломом.
И Мастер с Патриарших утверждал:
«Природе не с руки перечить!»
Какой бы Бог талант врачу не дал,
Собачье сердце не очеловечить».
А гений, что безжалостно сравнил
Действительность со скорбною палатой,
Сгорая на пределе скудных сил,
Остался верен медицине свято.
И многие из тех, что прославляли
Призвание врача пером и словом,
В исканиях своих не забывали
Определить целительства основу.
Им удалось с неоспоримой высоты
В своих произведениях навечно
Запечатлеть знакомые черты:
Терпение, заботу, человечность.
Так пусть же будет непрерывен труд
Писателя во славу медицины!
Пусть полнится живительный сосуд
Идей, таланта, вдохновенной силы!

Начальник отдела кадров университета

Родился в Брестской области Белоруссии, в семье военнослужащего. Закончил Харьковский государственный педагогический университет по специальности «правоведение».

Двадцать лет посвятил борьбе с преступностью. Подполковник милиции в отставке. Любовь к литературе проявилась в раннем детстве, что определило круг его интересов и отношение к жизни.

*Когда на смерть идут, — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки*

С. Гудзенко

Человека характеризуют его поступки... Как часто мы бываем не довольны настоящим, считаем, что стоящие перед нами трудности неразрешимы. Однако жизнь идет вперед, трудности преодолеваются, и спустя время, бывает, что вспоминаем о них с улыбкой.

Мне довелось познакомиться с одним из жителей нашего города Иваном Ивановичем Труханом. Герой моего рассказа интересно и увлекательно поведал мне о прожитой жизни. Живых свидетелей той страшной войны, уже не с каждым годом, а с каждым днем, становится все меньше и меньше, и воспринимая данную информацию от первого лица, испытываешь странное чувство, что ты являешься также участником тех событий. Его история настолько поглотила мое воображение, заняла мысли, что я посчитал необходимым рассказать ее Вам.

— Забываться уже многое стало, а иногда картинка в памяти с той войны всплывают, как будто вчера это было, так и живу с этими картинками один, в живых из тех людей на картинках уже никого и не осталось.

Двадцать шестого года выпуска я, родился в селе Чернин, на Киевщине (Чернин — село в 12-ти верстах от города Тараши и в

4-х от села Хрещатых-яров, при ручье Черне, текущем в речку Насгашку. Похилевич Л.И. «Сказания о населенных местностях Киевской губернии»). Иваном в честь отца назвали. Иван Иванович значит. Родители работали в местном колхозе и мы с сестренкой видели их только поздно вечером. Что я помню про голодомор? Есть постоянно хотелось, мы с сестрой местной бегали к лесному ручью, делали запруду, из которой своими детскими ручонками выгребали рыбных мальков, и ели их тут же сырыми. Отец с матерью уйдут рано утром в колхоз, кашу какую-то сваренную в печи нам с сестренкой оставят, а мы гулять идем. Замок на хатах не было, так, задвижки какие-то, а сосед повадился в наше отсутствие домой к нам лазить, да и съедал все. Чтобы прокормить детей, отец с матерью по ночам ловили бреднем рыбу в Насгашке, местной речушке. Люди умирали так часто, что и я был твердо убежден в своей скорой смерти, воспринимая ее как неизбежность.

Много односельчан унесли те черные годы... В 1934 мы переехали жить в колхоз села Снежков Валковского района, что на Харьковщине, как раз на полпути из Харькова до Полтавы.

В 1941 году мне уже исполнилось пятнадцать лет, я работал в колхозе. С началом войны отца как коммуниста оставили работать в подполье, обеспечивать связь с местными партизанами. В нашем районе Харьковщины лесов мало было, так, холмы да лесостепь, ни то что отряду, одному партизану спрятаться вроде и негде. Парти-

заны у нас были не лесные, а наши, домашние, деревенские. Сделают какую-нибудь гадость фашистам, ну там поезд под откос пустят или машину немецкую обстреляют и разбегутся по хатам, а немчура вместе с полициями потом партизан тех в лесопосадках ищут. Я помогал отцу в связи с теми партизанами и лично знал шестерых таких в нашем и соседнем селах.

В третью битву за Харьков в феврале 1943 года фронт временно остановился между селами Благодатное и Снежков (третья битва за Харьков — боевые действия 19 февраля — 14 марта 1943 года на южном участке фронта в районе Харькова и Воронежа).

В нашей Снежковской ветеринарной больнице был организован полевой госпиталь. Ночью, когда на передовой затихало, мы с отцом на подводе вывозили раненых в этот госпиталь, некоторых размещали в хатах у наших местных жителей.

Фашисты придавали особое значение взятию Харькова, считая его воротами на Кавказ и юг России, а также желая получить реванш за проигранную Сталинградскую битву. Гитлер считал, что, захватив бакинские нефтепромыслы на Каспии, он вынудит СССР досрочно прекратить войну, так как оставит Красную армию без горючего.

Для усиления немецкой группировки войск из Франции под Харьков были переброшены свежие танковые дивизии СС: «Рейх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

Взломав оборону наших войск, элитные немецкие части быстро замыкали кольцо вокруг окруженной советской группировки.

Врезался мне в память тот день, день нашего отступления, 6 марта 1943 года. На рассвете отец забежал в хату:

— Ваня, собирайся, мы уходим. Немцы утром в Снежках будут, — останемся — крышка нам, предатели выдадут. «Маруся, собери нам харчи в дорогу», — обратился он к матери.

Мать положила мне в вещмешок хлеба с салом. С матерью и сестренкой толком и не попросались: немцы уже стреляли на окраинах села. Я перекинул мешок за плечи, и мы с отцом пошли быстрым шагом, а потом и побежали.

В госпитале уже шла эвакуация. Раненые, все кто мог идти, собирались возле крыльца. Набралось нас человек тридцать.

Пожилой полковник, находившийся вместе с нами, взял на себя командование нашим сводным отрядом.

Отец и я по просьбе этого полковника стали проводниками, так как знали местность. Решили идти на восток, к селу Гонтов Яр. Пробира-

ясь через кустарники, мы вышли к ставкам — это пруды в Украине так называют.

Только мы вышли на открытое место, как по нам стал прицельно стрелять немецкий пулемет, рядом падали люди, раненые и убитые. Совсем рядом со мною убило старшего лейтенанта, танкиста, молодого совсем парня, лет двадцати — двадцати двух. Лейтенант лежал на спине раскинув руки в стороны, рядом с ним лежал пистолет ТТ.

Когда началась стрельба из того проклятого пулемета, мы с отцом успели сползти за пригорок, метрах в трех от нас. Мне так хотелось забрать тот пистолет, но как только я высунулся, отец с силой прижал мою голову к земле.

— Стой! Ты куда лезешь, сынок?! Лейтенанта снайпер убил, вылезешь — и тебя убьет!

Наш сводный отряд, состоявший из раненых и вышедших из окружения бойцов, опять забрался в кустарник, но мы уже подошли близко к ставкам, за которыми должно было наступить наше спасение. Полковник — артиллерист выслал в дозор молодого солдата, который, поднявшись за ставки на пригорок, сообщил, что немцев дальше уже не видно, и мы продолжили путь дальше.

Так мы вырвались с окружения и до Гонтова Яра шли полями, и, что странно, до сих пор удивляюсь: над нами кружил немецкий самолет и, ни разу не выстрелив, улетел. Потом, правда, в Гонтовом Яру, где уже было много отступавших наших войск, мы попали под сильную авиабомбежку, сгорело много техники и погибло много солдат, пулеметная очередь немецкого истребителя прошла буквально в метре от моей головы, но нас с отцом Бог опять уберег.

Уже после освобождения Харькова, вернувшись домой, я узнал у матери, что один из местных стариков предложил ей пойти в ту самую балку, где мы попали под обстрел немецкого пулемета.

— Марійко, у ярку біля ставків дуже багато людей німці побили. Піди, подивись, може там і твої лежать, — сказав он матері. Оказывается, что мы были последней группой, сумевшей живыми выйти из окружения. Пытавшиеся вырваться из окружения после нас все остались лежать там, в яру, в уже пристрелянной немцами засаде. Мать, конечно же, ходила туда, переворачивала тела убитых, с надеждой не найти нас среди погибших, и, к своему облегчению, не нашла.

Захватив Харьков, эсэсовцы в течение нескольких дней устраивали массовые публичные казни пленных и местных жителей, помогавших нашим войскам.

На центральных улицах города были установлены виселицы, а на балконах уцелевших в центре города домов раскачивались от ветра тела многих десятков убитых патриотов.

Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС и министр внутренних дел гитлеровской Германии, посетивший Харьков 24 апреля 1943 года с инспекторской поездкой лейбштандарта, выступая в местном университете, заявил:

«...та внушающая ужас репутация, которую мы завоевали в боях за Харьков, не должна быть утеряна, а только подтверждена. Мир может называть нас как угодно...» (Иван Ковтун «Дивизия СС «Мертвая голова» История Третьей танковой дивизии войск СС 1939–1945 г.г.», стр.111, изд. Яуза, Москва 2006 г.).

Сначала мы дошли до Белгорода, это тогда была Курская область, а потом, вместе с отступающими войсками — до Дона. У отца было задание — работать в подполье с партизанами. Его оставили на партийной работе где-то рядом с фронтом, а меня он успел пристроить в один из местных колхозов. А я на фронт рвался! Убежал из колхоза и пытался пристроиться к убывающим на фронт военным эшелонам. Вскоре я познакомился с беспризорниками, подкармливающимися на полустанках от таких военных эшелонов. На одном из полустанков на платформах стояли маленькие корабли — торпедные катера, а у моряков была такая красивая форма! Попутчик по несчастью, из числа таких же беспризорников, рассказал, мне, что тех счастливиц, кого берут юнгами, ставят на довольствие, выдают форму, и они могут воевать настоящими моряками! К лету сорок третьего года блокада Ленинграда уже была частично снята, и заработала железная дорога с большой землей. Оказалось, что с Каспия на Балтику перебрасывали эскадры торпедных катеров для борьбы с морским транспортом фашистов. Я так сильно просил командира моряков, капитана второго ранга Шеленина взять меня с собой, что тот сдался:

— Научите его с мотором обращаться, пусть научится его запускать и останавливать, — махнул он рукой в мою сторону. Так я стал моряком, членом экипажа торпедного катера «Отважный» дивизиона торпедных катеров Краснознаменного Балтийского флота. Из формы мне выдали только робу матросскую, да и такой форме я был безумно рад. Экипаж у катера был всего четыре человека: командир, торпедист, пулеметчик и моторист, то есть я. Москитный флот — так нас другие моряки называли!

С неделю мы ехали поездом, потом еще неделю стояли в Кронштадте. Я успел выучить не только устройство и принцип работы двига-

телей, кстати, их в каждом катере стояло по два авиационных, но и работу торпедных аппаратов, так что с катером я уже мог самостоятельно управляться.

В то время как раз Курская битва шла, и немцы перебрасывали по Балтийскому морю подкрепление через Прибалтику. Если б допустили их высадиться в Литве, поездом через пару дней немцы уже бы в Курске были. А мы не должны были этого допустить.

В штабе флота расшифровали немецкую радиограмму, что определенным маршрутом пойдет караван судов с фашисткой живой силой и техникой. Нас подняли очень рано, еще ночью. Я стоял в числе других моряков в строю на причале, рядом с пришвартованными катерами. Ветер с моря был и шторм не очень сильный. Комиссар флотилии выступил перед нами с речью, мол, бейте, мужики, фашистских гадов на земле и на море! После его торжественной речи экипажам катеров поступила боевая задача выйти в море и топить фашистский транспорт.

Это был мой первый боевой выход в море. В машинном отделении я обеспечивал надлежащую работу двигателя, сильно ревел мотор, меня кидало на стенки катера.

Мы вышли в заданный квадрат, и наши катера стали то тут, то там нападать на фашистский транспорт и топить его.

В схватку с торпедоносцами вступили фашистские истребители, расстреливающие катера с бреющего полета. Наступило время, когда я понял, что катер потерял управление. Из многих щелей, появившихся от пулеметных очередей в корпусе судна, стала течь вода. Поднявшись на палубу, увидел, что никого из моих боевых товарищей не осталось в живых. Немецкие стервятники, завидев потерявший управление и уже не сопротивляющийся торпедный катер, решили, что с ним покончено, и оставили его в покое. Но вот послушай, как я мог вернуться назад, если наш экипаж не выполнил боевой задачи? Это сейчас рассуждать просто, мол, что взять с семнадцатилетнего парня, который и присяги еще не принял? А я не думал об этом. На палубе возле меня лежали убитыми мои боевые друзья, мой командир. Мы так Родину любили, что не сильно задумывались о своей возможной смерти, а фашистов ненавидели люто!

Зверствовали так фашисты над нашим корабликом, потому что мы уже близко подобрались к их транспорту. Я увидел совсем рядом, буквально в паре кабельтовых от меня, большой черный корпус грузового корабля и принял решение идти в атаку самостоятельно. Катером же я управлять мог, да и с торпедами справ-

ляться. В шторм катер прыгает по волнам как мячик. То появится на гребне волны, то опять пропадет. А когда в атаку идет, почти вертикально становится. Немцы на корабле заметили меня и стали стрелять по катеру, но я уже так близко от них был, что находился в мертвой зоне для попадания их пулеметов.

Мне показалось, что я развернул катер назад буквально в паре десятков метров от того судна. Привел в действие торпедные аппараты, и скинул торпеды в воду. Последовал оглушительный взрыв, мой катер взрывной волной так подкинуло в воздухе, что я увидел немецких моряков на палубе того корабля, а тела моих убитых товарищей сбросило в море. Когда катер шлепнулся в воду, я перевел двигатели в режим работы «полный форсаж» и куда он носом стоял, туда и помчался что есть духу. Потом по солнцу определил, что на восток надо, а солнце то есть, то за тучу зайдет, сложно было идти по нему.

Вдалеке от подбитого мною судна пришлось мне на практике применять усвоенную науку «БЖК» — борьба за живучесть корабля. Через пробоины в корпусе в катер стремительно поступала вода. Забив подручными средствами пулевые отверстия, стал вычерпывать накопившуюся в трюме воду. Хорошо, что на катере был кое-какой запас продуктов и питьевой воды для членов экипажа, это помогло выжить. Топливо кончилось, примерно на пятые сутки катер прибило волнами к берегу. Я боялся, что к врагу в плен попаду: с одной стороны Эстония была, а с другой Финляндия была, обе фашистские. Берег скалистый, катер могло и о скалы разбить. Я якорь бросил, воду за бортом попробовал, она пресная, значит, с речки вытекает, это вода реки Сестра была, как я позже узнал. Тут мужик какой-то по берегу идет, я набрался смелости, кричу ему: « — Где я?». Он отвечает, мол, с Сестрорецком рядом, наши значит, дошел я.

Мужик тот сбегал куда-то, сообщил обо мне, так как скоро пришло два тральщика меня вытягивать, взяли на буксир, притянули в Кронштадт. А там СМЕРШ флотский, сразу меня в разработку взял. В списках части я почему-то не значился, книжки краснофлотца у меня не было, присягу не принимал, в общем как заяц на том катере катался. Рассказу моему, что сам потопил фашистский корабль, не поверил никто, трое суток допрашивали постоянно, спать не давали, следователей меняли постоянно. Нет, не били, но вопросы одни и те же, главный вопрос был — почему трупов нет?

Выяснилось, что как не принимавшего воинскую присягу меня даже не могут отдать под военный трибунал. Доказывать вину, также как

невинность, не стали, видно, забот у СМЕРШа в то время было больше. Видно, поняли, что не оформили меня на службу должным образом по чьему-то штабному разгильдяйству, и оставлять меня не захотели после этой сомнительной для них истории, в общем, как я понял, решили пинком под зад от меня избавиться. Выдали мне какое-то предписание явиться в военкомат, я с ним на железнодорожный вокзал в Ленинграде пришел. Капитан, исполнявший обязанности коменданта, сам оказался харьковчанином. Он посмотрел выданные мне флотскими кадровиками документы, и сказал: «Ты сначала езжай домой, ты еще не военнообязанный, присягу не принял, успеешь повоевать. Он посадил меня на поезд, шедший в Харьков, продастат мне выписал. Этим поездом мы приехали на Балашовский вокзал.

Добираться в сторону дома пришлось с пересадкой на Южном вокзале. Сел там на поезд до Люботина, добрался до станции Огульцы.

Местные рассказали мне, что село наше Снежков сгорело, а людей всех поубивали. Меня приютили на ночь и накормили, чем смогли. На следующий день я шел домой по полям тридцать километров, очень за мать и сестренку переживал, что не увижу их живыми.

Дома я нашел маму. Как она обрадовалась моему появлению!

Я боялся, что в военкомате прочитают мои документы и арестуют меня как дезертира, а оказывается, тот капитан, комендант вокзала, сделал какую-то запись в моих документах.

В Валковском военкомате вообще путаница какая-то началась: военком — майор меня принял, обрадовался, говорит, молодец, мол, что сам пришел, а то на тебя извещение пришло, что ты погиб, не успели матери твоей передать. Это, как я понял, с Балтики извещение, что я погиб вместе с экипажем того катера. До сих пор в той путанице понять ничего не могу: то в списках не значился, то значусь там погибшим по сей день...

Военком сказал мне: «Поживи дома, я тебя вызову». В это время как раз стали восстанавливать танковое училище, на базе которого создавали подразделения для снятия полной блокады Ленинграда.

Перед нами, новобранцами, стоял «покупатель» — майор — артиллерист. Он держал в руке прицел от пушки и предлагал желающим определить, как им пользоваться. Я до войны успел поучиться школе фабрично — заводского ученичества и пояснил, что обозначают деления в приборе и что принцип работы прицела сродни работе с учетными делениями на токарно-фрезерном станке, механизма грубой

и тонкой работы, в общем определили меня в артиллерию.

Расчет пушки — сорокопятки всегда находится на переднем крае обороны или наступления и должен с коротких дистанций в упор расстреливать технику и живую силу противника. Так что довелось мне еще не раз посмотреть в глаза смерти. Самое страшное в атаке — идти в рукопашную, я не отличался ни большим ростом, ни крепким телосложением.

Немцы в тот день хотели нашу пушку захватить, развернуть ее и в наш тыл стрелять, мы в рукопашную сошлись. Немец, бежавший в ту атаку на меня, был огромен. Здоровенный детина, почти двухметрового роста, с закатанными по локоть рукавами гимнастерки, рубанул меня саперной лопаткой по голове так, что от боли я сразу потерял сознание. Из остальных членов артиллерийского расчета не выжил никто, а меня немцы за мертвого приняли, позже санитары меня раненого без сознания подобрали. Наш взвод охраны подошел вовремя, уничтожили тех немцев полностью, не дал им нашу пушку захватить.

Командир нашего взвода лейтенант Рыженко, пожилой уже дядька был, назначил меня своим заместителем. Выделял меня, так как я мог управляться с лошадьми, что в артиллерии большое дело. Я не употреблял положенные нам наркомовские 100 грамм спирта перед боем, а выменивал их у других бойцов на сахар и всегда старался ходить в чистом обмундировании. Сослуживцы же мои, напротив, старались поменять новое, выданное им обмундирование на спиртное, поясняя, что завтра могут убить и оно им уже не пригодится.

Так и служил в артиллерии до конца войны.

На очередном построении перед строем в числе командования перед нами стоял флотский офицер. Он рассказал о том, что, выполняя приказ главнокомандующего Сталина, идет срочное доукомплектование штатов военно-морского флота. В некоторых подразделениях нехватка личного состава достигает пятидесяти процентов. Возвращают на флот всех: и танкистов, и летчиков.

— Есть ли среди Вас моряки? — обратился он к нам. В нашем строю раздалось несколько утвердительных ответов.

— Тогда предлагаю Вам выйти из строя, если хотите продолжить службу на флоте, — сказал тот офицер.

Я тоже сделал этот шаг.

И снова я попал служить на Балтику. Специальность у меня была военная: машинист — турбинист. Мы после войны трофейные корабли у немцев забирали, обучались ими управ-

лять. Нам достался эскадренный миноносец «Фридрих ин», первый значит. Из пленных немецких моряков только двое согласилось помочь нам в освоении корабля. Были и такие, кто портил оборудование или затапливал корабли. Я послужил на этом корабле в Кронштадте, потом в Ленинград меня перевели на завод Жданов, где эскадренные миноносцы строили.

В один из будничных дней сорок шестого года меня вызвали к комиссару крейсера «Железников», где я проходил службу.

— Товарищ капитан-лейтенант, матрос Трухан по Вашему приказанию прибыл! — четко, приложив руку к бескозырке, доложил я комиссару.

— Ну, здравствуй, Трухан! — по — отечески обратился тогда ко мне комиссар. Присядь вон на стул. Тут путаница какая-то из штаба флота пришла, не могу разобраться. Работа сейчас большая проводится по награждению героев войны. Вот на твоего однофамильца наградной лист пришел за потопленный в июле сорок третьего немецкий корабль. Фамилия, имя отчество сходятся с твоими. А ведь ты же к нам из пехоты пришел, Иван?

— Товарищ комиссар корабля, я до пехоты на флоте послужить успел, — ответил я, — это мой корабль!

— Вот дела, — размышлял вслух комиссар, — когда же ты повоевать-то успел?

— В сорок третьем юнгой на флот попал, — ответил я, — в первом же бою команду убило, а я торпеды сбросил, корабль подбил и к нашим вернулся. Но мне тогда никто не поверил, на берег списали, можно сказать, из флота выгнали.

— Ну, что же, поздравляю тогда тебя, Иван! — ответил мне комиссар. Он вышел из-за письменного стола каюты, служившей рабочим кабинетом, подошел и от всей души крепко пожал мне руку.

— Указом Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик за отвагу и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, лично внесенный тобою вклад в уничтожение фашистского военно-морского транспорта, перевозившего пятитысячную группировку фашистов, ты награжден высшим орденом советского государства — орденом Ленина, с присвоением офицерского звания — лейтенант!

Ноги у меня прямо какие-то ватные стали, в ушах звенит, ничего понять не могу. Вот это да! Я вдруг офицером стал, и орден присвоили! Оказывается, за тот транспорт фашистский всю команду нашего катера наградили посмер-

тно, меня одного живьем, а командиру Героя посмертно присвоили.

«Награда наша героя!» — шутили на корабле. В глазах сослуживцев еще совсем недавно я наравне с ними был таким же матросом, нес боевую службу, ходил в наряды, а сейчас на моей новенькой офицерской форме сияет орден Ленина и лейтенантские погоны!

Но, как говорится, чем выше должность, тем больше обязанностей. Я, лейтенант Трухан, стал командиром, нес ответственность не только за себя и свои поступки, но и за подчиненных.

Апрельским вечером 1947 года я заступил старшим комендантского патруля военной комендатуры города Ленинграда. В распоряжение мне, молодому лейтенанту, выделили двух солдат. Это было не первое мое дежурство в комендантском патруле. Как правило, военным патрулям приходилось усмирять хлебнувших лишнее фронтовиков, доставлять их в комендатуру, были случаи, когда солдаты и офицеры выплескивали свою ненависть к фашистам, открывая огонь из личного и автоматического оружия по немецкой хронике, крутившейся в кинотеатрах до начала фильмов.

Дежурство подходило к концу. Уже половина десятого вечера, а в одиннадцать можно было ехать в комендатуру, сдавать дежурство и писать рапорт по результатам несения службы. Докладывать собственно было и не о чем. Рапорт можно было начать и закончить одной фразой: за время моего дежурства происшествий не допущено. Хоть и попался нам патрулю изрядно выпивший армейский капитан, но отобрать его у красавицы — жены, крепко державшей орденосца за локоть, мы не решились.

— Товарищ лейтенант, — обратился тогда ко мне один из солдат — у нас машина последняя в полк уезжает через час, вы можете нас отпустить пораньше, а то ведь сами не доберемся, без ужина останемся.

Стояли передо мною, переминаясь с ноги на ногу, два солдата — автоматчика, вооруженные пистолетами — пулеметами системы Шпагина. Бойцы были, по всей видимости, послевоенного призыва, без медалей на новеньких гимнастерках, совсем юные. Оставлять «желторотиков» на ночь без ужина в холодном помещении комендатуры мне тогда совесть не позволила, сам ведь еще недавно таким же был.

— Хорошо, бойцы, можете ехать в часть, — ответил я, — мне тут немного осталось.

Этот не совсем обдуманый поступок перечеркнул всю мою дальнейшую жизнь...

Прошел еще час дежурства, уже было совсем темно на неосвещенной улице, Я перешел

на противоположную её сторону и выбрал пост наблюдения под уличным фонарем. «Главное, чтобы меня видно было, пусть люди видят, что, мол, есть советская власть в городе!» — думал я тогда. И вообще, негоже советскому офицеру — орденосцу в темных подворотнях прятаться! Иван ловко одернул новенький офицерский китель, поправил командирский ремень — портупею с кобурой табельного ТТ и, вдохнув полной грудью сырой апрельский воздух, решительно расправил плечи.

В окнах ближайших домов, переклеенных крест на крест бумажными лентами, неровно мерцал свет керосинок. Свет был восстановлен еще не в каждом доме. «Эх, люди, — рассуждал сам с собой Иван, переминаясь, чтобы не затекли ноги, с пятки на носок, — война скоро два года как закончилась, а вы бумажки с окон отодрать не можете. До сих пор налетов фашистов боитесь, что ли?» Хорошо, что час стоять осталось, я тут в кителе совсем околею, зря шинель не надел, орденом на кителе хотел перед ленинградками молоденькими щегольнуть. Вот и мерзни теперь, щеголь! — ругал себя Иван.

Необходимо сказать, что криминогенная обстановка в послевоенном Ленинграде была очень сложная. Повылезали из разных «щелей» всякие фашистские недобитки, криминальные личности, которые самоорганизовывались во всевозможные уличные банды.

Нередки были случаи нападения на одиноких военнослужащих с целью завладения оружием или просто форменной одеждой, и всем тем, что можно потом было быстро продать с рук на рынке.

Стоявший под уличным фонарем одинокий офицер не остался без внимания местной уличной шпаны, решившей завладеть личным оружием Ивана.

С разных сторон к лейтенанту Трухану неспеша приближались трое мужчин. Бравადной походкой, в раскачку, будто бы идет в шторм по палубе корабля, глубоко засунув руки в карманы заправленных в сапоги штанов, к Ивану неспешно приближался сутулый, невысокого роста парень лет двадцати семи. Модная восьмиугольная кепка — лондонка была натянута на его голову по самые уши. На ничем не примечательном лице гуляла глумливая улыбка. Двое незнакомцев незаметно также подошли к Ивану с правой и с левой стороны.

— Эй, морячок, дай папироску, у тебя штаны в полоску! — смачно сплунув под ноги Ивану, с издевкой обратился к нему владелец кепки.

Иван внутренне напрягся от неожиданного хамства кепкообладателя.

— Нет для тебя папирос, фраер, — ответил Иван и в этот момент почувствовал удар сзади по ногам. Не удержав равновесия, офицер упал на землю. Иван почувствовал, как кто-то навалился ему на ноги, а «фраер» пытается сжать пальцы на его горле. Руки у Ивана оставались еще свободными.

— Шмалер, шмалер у него забирай! — услышал Иван еще чей-то хриплый голос слева от себя. Иван с силой рванулся от удерживающих его захватов и перекатился на бок. Поджав под себя ноги, он сумел достать из кобуры пистолет и выстрелил в упор прямо в лоб сидевшего на нем сверху парня.

Выстрел из ТТ прозвучал на пустынной улице, как корабельный залп. Душитель медленно завалился на бок, из его лба, пульсируя, потекла темная струйка крови. Иван услышал быстро удаляющиеся шаги убежавших поделщиков. В ушах сильно звенело.

— Хорошо, что патрон в патроннике ношу, не успел бы и затвор передернуть, — подумал Иван. Нападавший не подавал никаких признаков жизни. Захлопали открывающиеся в окрестных домах окна, кто-то закричал на всю улицу:

— Люди, человека убили, люди, милиция!

Иван пребывал в каком-то оцепенении, он поднялся над убитым, все еще держа в руке пистолет.

— Эй, морячок, спрячь пушку, — обратился к Ивану один из подошедших к нему военных, — помощь нужна?

— Да, вызовете сюда милицию, я человека убил, — ответил Иван.

После всех необходимых милицейских формальностей на месте происшествия по прибытию в комендатуру Иван написал рапорт об обстоятельствах применения им оружия, после чего его сопроводили на корабль под письменное обязательство явиться по первому требованию следователя военной прокуратуры.

— Следователь тот на меня ополчился, — продолжил свой рассказ Иван Иванович — мол, я нарушил присягу, устав гарнизонной и караульной службы, отпустил наряд. А потом вообще установили личность убитого, опросили его корешей, тех, что на меня напали, и получилось по обвинительному заключению, что я первый на них напал и пистолетом пьяный размахивал.

В общем, на суде прокурор-обвинитель мне за умышленное убийство расстрел просил, потом на двадцать пять лет сошел. А мне двадцать три года по приговору суда дали.

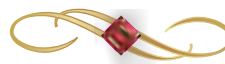
Я уже в тюрьме был, когда приговор пересмотрели. Нас, военных, отдельно от уголовников держали. Мне фронтовики, боевые офицеры,

узнав мою историю, посоветовали: «Пиши, Иван, апелляцию самому Сталину, твоя правда! Тебя ни за что посадили, а пересмотреть дело должны».

После нового суда мне три года лишения свободы присудили, условно, как превышение пределов необходимой обороны с лишением воинского звания и ордена, и отбытием наказания на моем же корабле.

Я заболел сильно на нервной почве из-за той истории, в госпитале, наверное, с полгода пролежал. Вернулся служить на эскадренный миноносец «Смелый». Так и служил матросом до пятидесят второго года, потом уже демобилизовали, в Харьков вернулся. С того самого пятидесят второго года сорок девять лет на Харьковском турбинном заводе проработал, я ведь машинист — турбинист по своей военно-морской специальности был.

P.S. Прошло уже много лет с той моей первой встречи с Иваном Ивановичем, он по-прежнему живет и здравствует, а когда в моей жизни возникают какие-то трудности, кажущиеся непреодолимыми, я вспоминаю семнадцатилетнего парня и тот фашистский корабль...

Корректор редакции научных журналов

Мои рассказы — это маленькие жизни, в которых на тот момент образ второй половинки только складывался. Это было что-то вроде поиска... Смыслом моей жизни было создать семью, которой отныне я посвящаю всю себя! На творчество совсем не хватает времени. Однако могу сказать только одно: теперь в моей жизни началась новая невыдуманная история...

Марина Орлова

ЗАТЕРЯННЫЕ В СНЕГАХ

Мы проснулись, когда в комнате прыгали солнечные лучи: за окном был ясный зимний день. Мы увидели за окном красивую зиму, ясный день. Позавтракали и собрались ехать на недавно купленной машине в другой город к моим родителям. Сразу выехать не смогли: по улице из прорвавшейся трубы текла река, края уже оледенели, на улице было около минус десяти градусов. Выезжать пришлось окольными путями.

Проехали километров пять — и... закончился бензин. Конца света мы не ждали, поэтому с вечера залили двадцать литров для поездки. У нас были свои планы. Бензиновый датчик был сломан, о чем хозяин предупредил нас при продаже этого авто. Видимо, бензин слили нам за ночь, машина-то не иномарка, а обычная Таврия. Муж взял канистру и пошел до ближайшей заправки. Пришел только через полчаса, так как никто не остановился, чтобы подвезти его, ни туда ни обратно. Слава богу, заправка была недалеко и получаса хватило. Дочка успела уснуть.

Заливали бензин, я облила руки, которые мгновенно замерзли, потом отогревала их в машине, вытирая салфетками. Поскольку в августе мы переехали на новую квартиру, то дорога, по которой ехали, была новой и незнакомой. Спасибо чудо-технике — навигатору!

Светило солнце, шел мелкий снежок, мы весело болтали. Вдруг навигатор попросил вернуться к пропущенному повороту. Вернулись

и даже посмеялись, что не услышали просьбу навигатора повернуть.

Поехали дальше. За окнами начался лес: деревья, которые медленно и загадочно укутывал тихо падающий снег. Редкая зимняя красота!

Едва выехали на свою полосу, как из ниоткуда появилось много машин, встречных и обгоняющих... Чудо Божье! Стало смеркаться. Мы ехали тихо. В свете фар летели рыхлые пушистые снежинки, которые резко сменились... даже не знаю, как это назвать! Это было похоже на летящие блестки, словно стриженный дождик с елки, сверкающие кристаллы. На обочине стоял голосующий мужчина, его машину выбросило с дороги. Они с женой не смогли вытолкнуть её, так как асфальт и земля под снегом стали ледяными. Колесо не могло въехать на дорогу высотой 5 см: оно просто скользило по льду. Вытащили. Муж сел в машину и сказал: «Погодка разыгралась, словно лед падает с неба. Кто-то трёт его на терке, вот он и блестит в свете фар».

Было не до смеха, скорее наоборот, юмор был неуместен. Мы были просто ошарашены неожиданной переменой погодных условий. И все-таки надо было ехать. Уже через пятнадцать минут мы вылетели на обочину. А вокруг снова не оказалось ни одной машины. Я толкала машину, муж пытался вырулить, руки заледенели, мороз крепчал. Ситуация с мужчиной, которому мы помогли, повторилась с нами. Метров двадцать я толкала машину, которая только скользила вдоль асфальта. Я не выдержала и расплакалась. Лицо горело от непонятного и режущего снега. Вдобавок ко всему проснулась дочь и, словно почувствовав мое тревожное состояние, тоже на-

чала плакать. Перед глазами замелькали кадры из фильма «Затерянные в снегах», когда семья застряла ночью в метель и пешком отправилась искать дорогу к городу... Меня передернуло. Я боялась, что кино станет реальностью, а потом просто начала молиться... Вскоре, словно из ниоткуда, появилась машина, водитель которой помог нам выехать.

Мы поблагодарили его и продолжили путь.

Вдали появилось большое светлое пятно, мигающее сквозь метель. Мы увидели десятки машин, остановились, вышли. В овраг упала машина и стояла почти носом в снегу, там были семья с детьми. Слава Богу, никто не пострадал. Грузовик тросом пытался вытащить, но колеса только скользили на месте. Человек десять выталкивали машину из оврага, примерно столько же толкали грузовик... Ревела метель, стонали машины, перекрикивались мужики, плакали дети... Душераздирающая картина!.. Толкали минут двадцать, пока машину, наконец, не вытащили. Это было еще одно Божье чудо, когда десятки водителей остановились и откликнулись на беду. На тот момент на трассе, затерявшейся между полем и лесом, мы все было словно братья, братья по несчастью...

И снова дорога в ночь... Доченька уснула. Я тревожно проверяла ее ручки, носик, ушки. Она была теплой. Мы с мужем всё больше замерзали. За нами выстроилась вереница машин. Все ехали одной дорогой — к свету ближайшего города. В городе остановились у кафе и пошли греться и пить чай. Выйдя из кафе, не поверили своим глазам. На улице при пятнадцатиградусном морозе шел... дождь. Водители скребком очищали замерзшие капли с лобовых стекол. Муж сказал, что не удивится, если с неба начнут падать лягушки. Похоже, конец света запоздал (22 декабря)...

Мы поехали, каждые десять минут муж ходил и чистил лобовое стекло от капелек льда. К родителям приехали спустя семь часов с момента выезда из дома, вместо двух-трех. Мы очень замерзли, тело болело от напряжения, мы молчали и дрожали. Дочь была теплой и веселой. Все обошлось.

Когда чужие люди готовы прийти на помощь друг другу, значит, нам не страшен никакой конец света! Тот день навсегда останется в моей памяти...

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Мы с Сашей решили пожениться. Встречались меньше года. Нам хотелось уже уединить-

ся, иметь свое семейное гнездышко. Подали заявление. Для приготовлений было целых три месяца. Сообщила друзьям, пригласила их. Они были рады за нас. Я почему-то в этот день побежала по магазинам за свадебным платьем. В первом же магазине пришла смска. «Извини, мы с Денисом не сможем прийти, у нас билеты в Египет». Ну, Египет и любимый — это, конечно же, лучше, чем свадьба подруги. Отписалась Оле, мол, все нормально, спасибо, что предупредили. Через час пришла следующая смска. И Натали не придет, она разводится, ей не до свадеб. Ну, ладно. Развод — неприятная вещь. Тем более она любит своего мужа, а он... Наверное, нашел другую. Позвонила ей, посочувствовала. Потом Лида, Аня, Андрей... У всех были серьезные проблемы. Я стала чувствовать себя скверно, у всех проблемы, а мы тут свадьбу, веселье затеяли. Египет, развод, командировки, грудных детей не на кого оставить... В третьем магазине я поняла, что куплю здесь хоть какое-нибудь платье и поеду домой. Не стала брать короткое, взяла длинное белое платье, скромно вышитое бисером.

Вечером сообщила Саше о случившемся, я ревела, он успокаивал, просил понять их. А я поняла, поняла!!! Только никто не понял, что мне было очень обидно. Это стечение обстоятельств так не вовремя!

Мы просидели почти до рассвета в обнимку, разговаривали. Я еще раз поняла, что Саша — мой мужчина, тот, который поймет и поддержит. Утром заваривая кофе, я уже не переживала. Сашка предложил расписаться без гостей и не ждать целых три месяца. В этот же день мы пошли в ЗАГС, переписали заявление задним числом (благо, Сашина крестная там работает) и нас сегодня же, 2-го апреля расписали. Я была в свадебном платье, Саша прихватил его перед уходом. Потом он повез меня на экскурсию «История нашего знакомства», как он выразился. Мы проехали по всем местам, где встречались, вспоминали. После экскурсии я переоделась дома, и мы поехали в ресторан...

Я как законная супруга переезжаю к Сашке. Собрали мои вещи. Ждем машину. Я в инете проверяю почту и... все мои... «друзья» поздравили с вчерашним праздником — 1 апреля. Это было шоком для меня, я плакала. Сашка снова меня успокаивал. Я не могла понять, где же предел шутки. Шутку друзей я не оценила. Разослала всем ответ: «И вас всех с первым апреля. Мы с Сашкой расписались сегодня». Я не знаю, как теперь с ними общаться. Сашка сказал, что мы с ними в расчете. Друзей терять нельзя, да, они такие, какие есть.

Студентка 4-го курсу ІV медичного факультета.

Жизнь — это театр, и мы применяем разные роли, чтобы прочувствовать и понять всю раду-гу ярких цветов, огонь и лёд разных полюсов.

Иногда, во время очередного блукання в лабиринтах слепых желаний, вдруг широко распах-нётся дверь и яркое солнце осветит блистатель-нее горизонты прекрасной настоящей жизни. Вот для этого и стоит верить и жить.

Матьяна Петренко

ХОХАЮ СВОЮ УКРАЇНУ!

Я героєм себе не вважаю
У тривожні, безрадісні дні.
Коли розбрат країну вражає,
Не лишуюсь і я в стороні.
Я не хочу сваритись і битись,
І чекати, як вирішить світ,
Треба широко й невтомно трудитись,
Свою справу робити, як слід.
Я рятую життя людини -
Йду до мрії, цього не змінить!
Як кохала свою Україну,
Так і буду всім серцем любити! –

ВИРУСЫ ДУШИ МОЕЙ

Самый страшный вирус — это зависть,
Зависть и болезнь в одном сплетенье,
Что за счастьем бродит чёрной тенью,
Точит червь, как лютая ненависть.
Есть коварный вирус — это ревность,
Трусость и предательство, измена,
Хитрая личины перемена
И противной личности зловредность.
Самый злобный вирус — это подлость
И враньё без совести и чести,
Комплимент, засаженный от лести,
Недругов язвительная колкость.
Вирусы души, таких немало.
Нам бы антивирусник поставить,
Уколоть прививку и исправить
Все ошибки самых главных файлов:
О любви, о ревности, о дружбе,
Благородстве, чести и искусстве,
Чувстве долга и благоразумстве,
Всё, что так душе для счастья нужно!

Я — СОНЦЕ, Я — СНИГ, Я — ПРИРОДА

Я — сонце, я — сніг, я — природа,
Я — зла і раптова негода.
Так, так це — жіноча порода,
Мінлива неначе погода.
Солодка, як спіла малина,
Терпка, як незріле вино,
Прозорий туман по долинах,
П'янкий аромат крізь вікно.
З далекої давньої днини
Крізь війни, стихії й бунти
Роль жінки свята і донині:
Сім'ю від нещастя зберегти.
І так воно іноді важко
Нести той тягар на плечах,
Бо так налітаєшся, пташко,
Що сльози рясніють в очах.
Замислюсь на мить про недолю,
А потім захочу на сміх
Позбутися суму і болю,
Недугів й недругів своїх.
Та кожного ніжного ранку,
Коли заросіє трава,
Як щебет птахів на світанку,
Почути любові слова,
Прогнати неспокій-тривогу,
Радіти життю кожну мить,
Невтомно молитися Богу,
Одвічно кохати й любити!

МІ

Ми будемо разом майбутнє,
Здобуємо розум і досвід,
Ми докопуємося до суті,
Не сприймаєм кохання наосліп.
Ми шукаємо віру і правду,
Щоб багатства залишити силу,
У війні ми захоплюєм владу
І тримаємо силою силу.
Самовпевнені, горді та мужні,
Самостійні, рішучі, нескорені,
Можновладні, почесні, потужні
Переможці самовдоволені,
Безхребетні та хитрі, як змії,
Ми красиві, вродливі, звабливі,
Ніжні, мудрі, лояльні та мрійні,
Заполохані, грішні, бурхливі.
Ми все тягнемо ковдру на себе,
Кожен сам у своєму сонеті,
Нам потрібно подякувати небу,
Що лиш двоє на нашій планеті.
Жінка — добра красива і мудра.
Чоловік — сильна, мужня людина.
Вони просто закохані люди,
Разом дружна, міцна родина.
Може десь у просторах космічних
Справжня гендерна асиметрія,
Відбувається міжгалактична
Багатьох осіб геометрія.
На Землі маємо дві частини,
Навпіл Всесвіт, дуки і цілі,
Я і ти — різні дві половини,
Але разом єдине ціле!

Я с тобой душою всюду,
Ты же можешь позабыть,
Больше ревновать не буду,
Буду меньше я любить.
Не залечишь, как простуду,
Жар водой не утолить.
Больше плакать я не буду —
Меньше буду веселить.
Раз тебе всё больше трудно
О любви мне говорить,
Я подарков ждать не буду,
Меньше буду я дарить.
Мы живём не у Шекспира,
Чтобы «быть или не быть».
Ты не вырос до кумира,
Будет проще разлюбить.

Слова, мовчання і зітхання,
І дотики легкі, тремтливі.
Моя душа — твоє відлуння,
То падає, то знов злітає,
То, як сумна осіння сукня,
Мов жовте листя, опадає.
Таке тонке, як павутиння,
І вітерець його зліймає,
Та, одночасно, як твердина,
Хто зрозуміє, хто кохає.
Самотня ніч, холодна злива,
Чужого щастя зазіхання.
С тобою я така щаслива,
Не відлітай, моє кохання.

УЛИТКА

Я всегда обожала улиток.
Нежным телом и кротким умом,
Словно древнего жемчуга свиток,
На себе она тащит весь дом,
Или просто прячется в нём.
Так и я: по приездам — отъезды,
Всё своё забираю с собой,
Отметая излишнее в бездну,
Я иду по дороге любой,
Не боюсь показаться слепой.
Мне не нужно в чужом разговоре
Надрываться гитарной струной,
Исступлённо доказывать, спорить,
Можно спрятаться в домик родной,
Отсидеться, поплакать одной.
Мир огромный прекрасного полон —
Встреч, открытый, признаний и дел,
Но нельзя быть беспомощно голым,
Лучше спрятаться бы в свой удел,
Чтобы кто-то случайно не съел.

Студентка 6-го курсу ІІ медичного факультета.

Ми вирости і вийшли у широкий і дивовижний світ, щоб полюбити його і щоб він полюбив нас. Ми юні, а юність — це схід сонця. Ми молоді, а молодість щаслива тим, що у неї є майбутнє...

Ми народилися не для того, щоб зникнути безвісною таємницею, а для того, щоб залишити по собі незабутній слід, якщо не в глобальному масштабі, то хоча б у серцях тих людей, що нам дорогі.

Кожен з нас прагне бути найкращим у тій справі, яку він любить.

Народна мудрість говорить, що здоров'я й сила кращі від усякого золота, а сильне тіло — від надмірного багатства. І це так. Тому хочу дати людям саме це багатство. Ким я стану — видатним ученим, чи талановитим лікарем, сильною особистістю чи просто майстром своєї справи, ще невідомо, але точно знаю, що виправдаю надії своїх викладачів, аби їхні старання не минули марно.

Анна Степаненко

СОНЯШНИК З УКРАЇНИ

Пам'яті бабусі-остарбайтера Анастасії Степанівни і всіх остарбайтерів України

Було ще темно за вікном. Перший півень уже сповіщав про світанок. Корівка подавала свій голос. Остання зоря танула на сірому плесі неба.

Дивно, що Настуня сьогодні так рано встала. Вона розплющила свої оченята та побачила татка із закуйовдженим волоссям. Він задумливо сидів за великим дубовим столом і щось уважно креслив на шматку сірого грубого паперу вуглиною. У родині Настуню називали маленьким соняшником, бо була вона білявенькою, з безліччю веснянок і зіркими маленькими оченятками-насінінками.

Так ось — чотирирічну дівчинку дуже здивувала така незвичайна картина. Вона хутко зішла з печі, підійшла до батька й почала зацікавлено підглядати. Проте тато вдавав, що не помічає нишпорки. Настуня думала: ну що ж там за таємниця? Чому татко зрання щось таке мудрує?

А батько, дочекавшись влучного моменту, зненацька підхопив донечку, обійняв її, а потім посадив собі на коліна.

— Татку! Таточку, ти ж мене налякав. Я думала, що ти нічого не помічаєш!

— Як же я міг не помітити, що до мене підкрадається мій улюблений соняшничок?

— Я не підкрадалася! Мені просто було цікаво.

— Ну якщо тобі справді цікаво, то слухай: це креслення нашого нового будиночка, який колись виросте неподалік від нашої хати. Там буде багато вільного місця, і ти зможеш мати своє окреме ліжечко. Буде ще й місце для ігор.

— Як же так, тату? Мама ж дозволяє нам гратися лише на дворі!

— Бо, доню, хатка наша маленька...

Той день для Настусі став ніби довгождана казка. Дивно, але дівчинка знову залізла на піч і одразу ж заснула. Мабуть, тому що хотіла швидше побачити уві сні свій новий диво-будинок...

...З того вечора минуло шість з половиною років, проте тато дотримався слова, і за старою хатою височів міцний дерев'яний будинок. Хоча він був уже помазаний глиною, та сім'я не поспішала, бо ще чимало часу потрібно було для добудови й облаштування. Звичайно ж, дід був ще сірим і невеселим, але десятирічна Настя часто ходила в будівлю. Чому часто? Та, мабуть, тому що для дівчинки вона стала своєю казкою: тут пахло свіжою глиною, останнім снігом і пролісками. Дівчинка розмовляла зі стінами, говорила, щоб будинок не сумував, бо вже ско-

ро він наповниться. Вона ходила зі старшою сестрою і пояснювала, де буде яка кімната, а іноді їй здавалося, що в тому місці, де повинна була бути кухня, пахло маминим хлібом...

...Селом ходили люди й відбирали у селян все необхідне для будівництва колгоспу... Було дуже рано, коли вони забрели і до нашого двору. Усі ми, малі, спали. Може, воно краще було!? Новий будиночок — розібрали...

Дівчинка навіть не підозрювала раніше, що світ може бути таким жорстоким. А ще в сім'ї забрали двох овечок — подруг Насті, бо саме вона доїла їх і доглядала, двох коней — годувальників домашніх, корову мама віддала сама, бо не хотіла, щоб на селі були голодні люди. Матуся була доброю й часто говорила: «Як є чим поділитися з тим, у кого нічого немає, то ніколи не задумуйся і не сумнівайся — ділися.» Також забрали свиней, гусей, курей і великий дерев'яний тарантас. Хоча такого зручного транспорту не було ні в кого у селі, проте ми не дуже сумували, татко ж був найкращим майстром у всьому окрузі у цій справі. У нас зосталася одна лише корова, кілька курей і свиня, бо батьки просили, щоб дещо залишили в господарстві. В сім'ї шестеро дітей — треба ж щось їсти!

Діти дуже плакали цього вечора...

Наступного дня люди з колгоспу знову з'явилися під нашими вікнами. Ми були занепокоєні цим приходом, а найменший Олексій знову розплакався.

— Давайте корову! Не чваньтеся! Для колгоспу вона буде важливішою, ніж для вас! — почула я розмову дорослих знадвору.

— Як же це? А мої голодні діти? Це ж остання наша надія на виживання! — слізно пояснювала мама.

— У нас, крім неї, немає більше нічого! Не відбирайте у нас останній харч! — просив тато.

— Які діти? Родина потребує! А ви все «діти»... — грізно обрізав Семен — збирач «людських життів».

— Ви кажете — вже нічого немає, крім корови? Ну так ми зараз це перевіримо, — лукаво попередив Тарас із Семенової групи.

Вони обшукували все. А потім, поки батьки не бачили, не вірячи, що нічого немає, один із збирачів пробив залізною палицею піч. Думав, що ми там зерно ховаємо. Все ж вони не знайшли нічого. Забрали двох останніх поросят і невдоволені пішли. Родина лягла відпочивати. А пробита піч, яка на той час топилася, повільно почала наповнювати хату чадним димом. Страшно подумати що б було, аби батька не розбудив його тонкий нюх. Хоча це було

і жахливо, але мені сподобався такий випадок, бо я побачила, що мій татко — справжній герой. До того ж, цю ніч я вперше спала на вулиці: під зоряним небом. З того часу ми, діти, часто спали на погрібнику, а щоб не було холодно, просили у батьків теплий і м'який кожух. Уже в тому віці я добре розуміла, яким ще й прекрасним може бути світ.

Мама завжди хвалила мене за працелюбство і називала малою помічницею. Найулюбленишим заняттям для мене було саджання усього, що може проростати, а особливо — соняшників, бо вони для мене були сонечковими дітьми. Тому я хотіла, щоб мій соняшниковий город пробуджував у людях ширшу доброту. Також соняшник у моїй пам'яті завжди нагадував про мою Україну, про рідне село й про мій дім. Я тоді ще не знала, що колись оце жовте диво збереже в моєму серці надію на життя, збереже мене саму.

Якось уночі оті лихі люди з колгоспу проберуться в сарай і насиплють у сіно отрути. Ми, як завжди, щедро нагодуємо тварин, а до обіду бідолашні повмирають. Такою була розплата колгоспу за нашу доброту.

Все це відбувалося в 1930 — на початку 1931 року, коли Насті було вже майже десять років, проте за своє коротке життя вона вже встигла зрозуміти, якими іноді бувають жорстокими люди...

1934 рік. Татко дуже захворів. Мама казала, що ця складна хвороба і є малярія, яку так важко було вилікувати в дорослої та знесиленої людини. Це все злі люди і злидні довели таточка до такого. Я хвилююся за батькове здоров'я, та нічим не можу допомогти, саме це мене й лякає — моє безсилля!!!

Я завжди чимось відрізнялася від своїх братів і сестер, і, як не дивно, та серед шести захворіла лише я на малярію. Я так боялася наслідків, що навіть через день почала прощатися зі своєю родиною. А мама, уже в розпачі, вдалася до останньої спроби вилікувати мене, попросивши допомогти їй принести від колодязя води. І коли дістала відро, то облила мене зненацька холодною водою з ніг до голови. І знаєте чому вона це зробила? Саме тому, що сусідка порадила за старим обрядом облити мене холодною водою — це було б неочікувано, а тому б лякало мене. А як говорять в народі: «Лише гарним переляком можна вилікувати малярію». І справді — мама мене врятувала. Жаль, що з татом цього вже не можна було зробити...

Я думала, що більше ніхто лихий не прийде до нашого дому, як тоді, коли забрали все майно у 1931, зруйнували новий дім. Та мої сподівання були марними і ті «збирачі» якось знову з'явилися

під нашими вікнами. Але тепер вони продали свої душі іншому деспоту — Гітлеру. В середині в мене все захолонуло, сама не знаю чому, а на душі було якесь дивне відчуття, що цього разу вони прийшли по мене.

Було це 13 червня 1942 року. І моє шосте чуття не підвело, бо «вони» знову збирали, але вже не домашніх тварин чи будівельні матеріали, а людей — молодих дівчат і хлопців, які б працювали в Німеччині. Жаль, я не знала цього одразу. Може, і утекла б!? Хоча! Від своєї долі не втечеш...

У моєму селі Просяне було всього три вулиці. З нашої — двадцятьоро людей забрали в полон. Серед них були мої подруги — Надя Кононенко та Наталка Коваль, Дуся Цибуля та Настя Семенко... Усі ми були ще юні і красиві, жодна ще не встигла покохати...

Ми проїжджали через Харків, такий величний і водночас понівечений бомбардуванням. Довкола височіли напіврозвалені будинки. Здавалося, колія, якою рухався наш потяг, була єдиною ниточкою, яка з'єднала цей світ — рідний, але жорстокий і той — без війни, але в неволі. Я бачила в щілину, що творить із людьми бажання бути володарями світу. Люди, які несли війну в наші домівки, нічим не відрізнялися від здичавілих звірів.

Нас довго везли. Мабуть, і не годували. Та я й не пам'ятаю цього, бо мене душили невимовні сльози: за ріднею та рідним селом... Командир нашого вагону говорив: «Світ пощастить побачити лише сильнішим!» Але...З нашого поїзда на ходу часто викидали трупи тих, хто не зміг стати таким!

Першою нашою зупинкою був розподільний пункт, у якому нас могли купити й забрати на виробництво. Це був далекий і зовсім невідомий нам світ, тому ще під час подорожі ми, полонені з однієї вулиці, домовилися завжди, попри все, триматися разом. Коли нас купували, то ми благали господаря не розлучати нас, може саме така наполегливість і залишила дванадцятьох молодих односельчан разом. Добре, що зі мною були мої подруги. Здається, саме вони й не давали мені впадати у відчай. А ще я пам'ятала, що повернутися додому зможуть лише сильніші. Деякий час ми жили у цьому розподільному пункті: будинки, де ми проживали, були холодними і незатишними, сире дерево, здавалося, ось-ось розвалиться, тому про цю недовготривалу частину мого перебування в Німеччині в мене залишилися найнеприємніші спогади.

Трохи пізніше ми потрапили в німецьке місто Егезін, де і розташовувався табір для полонених.

Хоча Настя була в зовсім невідомому їй місці, проте ще ніколи вона не бачила таких гарних рівеньких цегляних будинків, та ще й двоповерхових. До речі, навіть усередині її дуже зливали затишні і зручні кімнати, вони були теплими, чистими та привітними. Їй навіть сподобалося. Бо тут були строгі порядки щодо постелі, яку білесенькою видавали щотижня.

Хоча ми і були полоненими, але до нас ставилися як до вільних людей, часто проводили медогляди. Іноді мені навіть здавалося, що так добре до мене навіть вдома не ставилися. На той час війни точилися не тільки в нашій країні, тому серед численної кількості полонених нашого табору були не лише українці чи росіяни, а й багато представників інших національностей, це були і поляки, і латиші, і французи. Хоча на той час я не знала жодної з мов, проте часто спілкувалася мовою жестів.

Так трапилося і з люб'язним французом Кіо, який одразу ж закохався у молоду українку. Він був дуже гарним і мав неповторний голос. Часто Настя помічала, як він прогулювався у вільний час і завжди щось співав, але французькою мовою. Кіо постійно їй посміхався. Навіть обіцяв, що як закінчиться війна, то він одразу ж забере Настю з собою до Франції, а там і одружаться, бо ж він любить молоду полонянку. А у Насті хоч і була до французя якась симпатія, та любові вона чомусь не відчувала.

З Егезіна нас возили в інше німецьке містечко, яке знаходилося далеко від нашого табору. Автобус, яким ми їздили, був білого кольору — кольору чистоти. І я в цьому одного разу впевнилася: в мене майже не було ніякої згадки про рідне для мене місце — мій дім, проте були дороги, подаровані татком на день народження коричневі шкіряні рукавички.

Я поспішала на роботу і випадково забула їх в автобусі. Водій возив їх майже 10 днів і ніхто їх не забрав, бо, як-не-як, а німці дуже чесний народ. Я вже й думала, що загубила їх, але потім водій автобуса, дізнавшись, що власниця рукавичок я, повернув пропажу. Він був порядною та доброю людиною, часто жартував з нами, давав корисні поради.

Так, під час поїздки на автобусі ми веселилися, проте далі на нас чекала найважча частина дня — виробництво на паперовій фабриці. Я працювала у кислотному цеху й виконувала досить складну процедуру: витягала величезні та важкі пласти ще недоробленого паперу, що лежали в кислоті, і набивала їх товкачем у бочку, а наприкінці — відкочувала її, вага її була 100–150 кілограмів. Було дуже важко, проте, як не дивно, я виконувала найбільшу кількість роботи. Можливо, саме тому

мене помітила і познайомилася зі мною німкеня Ільза, бо вона була наглядачем на фабриці. Вона була худесенькою, гарною, низького росту, біловолоса. Ільзі було на той час приблизно 43 роки. Хоча я бачила її у різному оязі, проте найбільше вона мені запам'яталася саме у синьому комбінезоні. Я й досі не можу зрозуміти, чому згадую про неї. Можливо, тому що вона на той час так добре до мене ставилася, як мама, якої я вже давно не бачила. І ще, мабуть, тому що я вперше зустріла її у цьому оязі, а також, коли я втікала, то востаннє побачила її в тому ж.

На роботі нам давали невелику кількість марок, але для чого я до сьогодні не можу зрозуміти, адже за них не можна було купити навіть шматок хліба, лише прикраси: сережки, браслет. Також до мене була дуже прихильною сорокап'ятирічна німкеня Карула. Обидві жінки запрошували мене до себе додому, там я допомагала їм по господарству, часто готувала. У мене навіть залишилося дві фотографії, де я сиджу на стільчику, а також стою коло столу у будинку однієї із німкенів. Все це відбувалося майже за півтора роки до мого від'їзду на Батьківщину: Ільза покликкала мене до себе і сказала, що я їй стала більш ніж подруга, вона дуже просила мене, щоб я залишилася тут, у Німеччині, назавжди. Вона запевняла, що якщо будуть шукати втікачів, то пояснить, що я її племінниця, яка приїхала на місяць у гості — і усе буде гаразд. Уже ніхто не зможе мене образити, а потім, коли побачила, що мої очі відмовлялися, то заплакала. Пізніше жінка заспокоїлася і знову сказала: «Дитино, якщо ти не хочеш залишитися зі мною, то прийми хоча б цей подарунок, те, що нагадувало б тобі про ці роки і про мене, хоча, може, краще б тобі більше і не згадувати цього важкого періоду?! Я навіть і не знаю! Тобі вирішувати!» Вона поклала мені на руку золотий годинник зі своїм фото, який не пощастило зберегти, бо все відібрали, коли я тікала додому. А я ж не мала нічого, щоб подарувати їй у відповідь! Мені стало через це дуже соромно, і я випадково полізла рукою до кишені. Дивно, але там я знайшла 2 соняшникові зернини. Можливо, це незвичайно, але саме їх я їй подарувала жінці. Навчила, як їх посадити і доглядати, бо у Німеччині тоді ще не знали про соняшники.

Ільза мене уважно вислухала, тому все у неї добре вийшло, хоча з двох зернят проросло лише одне. Жінка дивувалася небаченій досі рослині і вважала її квіткою. Захоплено розповідала, як квітка повертається до сонця. А я дивилася на соняшник і згадувала своє волооке дитинство у рідному селі, свою родину і не один, а тисячі отаких соняшників-братів. І мені ставало так добре на душі і хотілося жити, жити і жити...

Мені було важко тут, я згадувала, що вдома ще важче. Але все одно так хотілося повернутися до рідного села, про яке весь час нагадував соняшник.

У Німеччині я зустріла своє перше і на все життя кохання. Його звали Арсентій. Волосся кольору лискучої смоли, сірі очі кольору неба у передчутті дощу. Отой веселун француз Кіо був набагато кращим і дуже веселим, але чомусь не припав глибоко до серця. Оцей же сумний і мовчазний українець Арсентій помножив мою надію на життя і повернення на мою стражденну Україну у стократ.

Уже відчуваючи свою поразку, німецькі наглядачі дозволили полоненим українцям одружуватися у таборах для полонених. Розуміючи, що може статися все, бо війна не вибирає, кого лишити, кого знищити, я і Арсентій вирішили створити свою маленьку сім'ю, щоб хоча б недовго побути разом. Мої подруги зробили для мене весільний віночок із паперових квітів і фату з віконної прозорої фіранки. У мене збереглася малесенька пожовкла світлина, де ми — весільна пара молодят, а поруч наші друзі. З них ніхто не лишиться живим.

А потім — буде прихід наших військ до Німеччини, моя розлука з Арсентієм, бо він піде на передову, моя довга дорога до рідного села.

Тоді я ще не знатиму, що мій первісток Володя загине наглою смертю у 10 років уже на рідній Україні, що втрачу дуже рано свого Арсентія, який довго вмиратиме молодим від важкої невиліковної хвороби. Але попри все доля дасть мені можливість жити, працювати, виростити ще трьох доньок, побачити і смерть Сталіна і керування багатьох можновладців. Але я пам'ятатиму одне: соняшники, які тягнуться до сонця, де б не росли — в Україні чи в Німеччині. То я — дитина свого багатостраждального народу, яка хотіла жити, залишатися людиною, щоб сказати нинішньому поколінню: «Війна — це безглуздя, від якої страждають і помирають люди будь-якої національності і статі. Люди, отямтеся, любіть одне одного, шануйте словом і діями своїми!»

Сьогодні бабусі Анастасії вже немає...

Врач-интерн, выпускница I медицинского факультета.

Жизнь замечательна и интересна. Если вдруг кажется, что это не так, нужно крепко зажмурить глаза, а потом открыть и посмотреть вокруг так, будто видишь все впервые. Обязательно заметишь что-то хорошее.

Самое интересное — это люди. Сколько бы ни существовало описаний психологических типов, характеристик по знаку Зодиака, кельтскому гороскопу или году рождения, каждый человек неповторим и этим прекрасен.

Поэтому надо стараться видеть положительные стороны в жизни и находить новых знакомых.

Елена Столярова

Помнишь наш клен? Он засох этим летом.
Бурные листья лежали в зеленой траве.
Ствол его темный между деревьев раздетых
Выглядит, будто живой, и сейчас, в ноябре.
Не отличить от дубов и рябины с каштаном
И можно верить еще до середины весны,
Что утром раскроются почки, и рано
Слетятся шмели на зеленые с желтым цветы.

Что, если этот раз я назову — последний?
Придам моменту значимость с трагизмом
И четко отделию его от всех дней,
Когда разыгрывались в кости жизни.

Последний: приговор, диагноз, точка.
Конец пути, тупик — без вариантов.
И все, что сделано — случайно ли, нарочно —
Увы, но не отсрочит бой курантов.

Что, если этот раз я назову последним?
С тем пафосом, что свойственен поэтам
В стихах об увядании осеннем.
Вот только я
тебе не расскажу об этом.

Не зима в декабре зима,
Но тепла ужасающе мало.
Вечерами больная луна
Шьет из туч для себя одеяло.
Серо-черные скаты крыш,
Грязный снег лишь
остался под домом,
Ты все чаще теперь молчишь,
Забываешь звонить знакомым.
Ты гадаешь: орел, ребро?
Пятый раз выпадает решка.
Шепчешь, вечером глядя в окно:
«Если можешь,
Прости нас, грешных».

Иногда ломается, не совпадает.
Ты вертишь и так, и иначе,
Клеишь, собираешь, ищешь детали,
Скрещиваешь пальцы на удачу.
Допустим, выходит. Почти как было.
Швами — внутрь, щели потом заткнуть.
И если не приглядываться — красиво.
Впрочем, тут ведь не в оценке суть.
Главное — получилось. Позже увидишь

Трещины, щели и где-то потеки краски.
Остается только поставить в витрину
И свет приглушить,
чтоб выглядело как в сказке.

Всё. Сдаюсь. Отдаю своё зная.
Поднимай, если хочешь,
ну а я с этих пор не у дел.
То, что делали мы, и что делали с нами,
Перевесило чашу весов,
перешло наконец за предел.
Я молчу, хоть совсем я молчать не умею,
Забываю про кофе, про время, про чудеса.
Целый вечер рисую тебя акварелью:
Шесть портретов — хотя бы один до конца.
За окном летний ливень,
сигналят машины.
Мне бы спать — на часах полшестого утра,
Но минуты ловлю,
слишком быстро летящие мимо,
И всё кажется сказкой,
что было всего лишь вчера.

Снимаем маски? Уверен? Точно?
Швы натянулись — и мир непрочен.
Ты пожелай мне спокойной ночи,
Позволь дописать.

Письмо — на бумаге?
Зачем же так сложно?
Я позабыла свои «невозможно»,
Но яд неизменно

ты вводишь подкожно.
И каждый раз мне.

Увидишь правду или что с краю?
Боюсь, я все больше не понимаю
И в ярлыках «чудной», «смешная»
Себя — тебя — нас... теряю.

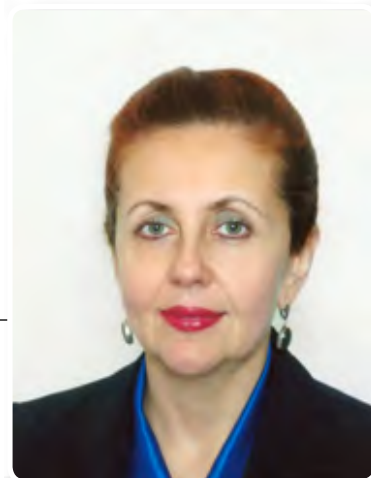
Тянет писать, хоть бы прозу с ритмом:
так модно, но и давно избито,
наверное, лучше не начинать.
Я рада, что ты мне не снишься опять.
Ещё б перестать бесконечно
мысленно спорить,
все бросив,
пойти купить билет на скорый —
куда-нибудь к югу или в тайгу,
чтоб только деревьям моё «не могу».
Но снова останусь, как и всегда:
учеба, проекты, друзья, дела.
Самое страшное, ты знаешь, что?
Когда вдруг становится всё равно.
Остается придумывать цели:
всей жизни ли, на дни недели,
чтобы в четверг спасти мир и принца,
в субботу открыть
новый жизненный принцип,
потом ещё что-нибудь — неважно,
хоть самолетик сложить бумажный.
Я бы хотела тебе рассказать,
зачем волос в медальоне пряля,
куда посылать с печатями бланки,
как делать пудинг с изюмом из манки,
где самый красивый на свете маяк...
Мне жаль, но вышло опять не так.

**Сыровая Анна Олеговна – зав. кафедрой
медицинской и биоорганической химии
Харьковского национального медицинского
университета, доктор фармацевтических
наук, профессор**

Родилась и училась в г. Харькове, работала в Харьковском базовом медицинском колледже, с 2005 года работает в Харьковском национальном медицинском университете. Вся жизнь, трудовая деятельность и литературное творчество тесно связаны с г. Харьковом.

Анна Сыровая

*Р*ОДИНА

Я тобою живу, моя Родина,
С тобой я просыпаюсь и люблю,
С тобой работаю и радуюсь погоде я,
Для нас и для тебя у Бога мира я прошу.

Тебя любили деды наши, прадеды,
Тобою дорожили все века,
А если голодали, не хватало вдруг еды,
То пищу нам давала наша Родина.

Мы все за тебя в ответе,
Тобою живём мы всегда,
Мы – твои настоящие дети,
Мы – дочери твои и сыновья.

Я каждой клеткой чувствую мою страну
И ощущаю трепетно её дыханье,
Пришла беда – тревожно мне, я со страной не сплю,
Прошу у Бога мира для страны, покоя, созидания.

Мы – люди мирные, и не хотим мы воевать,
Хотим растить детей, любить и быть любимыми,
Но если нужно – будем Родину свою мы защищать!
Мы – жители одной страны и мы единые!

*О*ТТЕПЕЛЬ

После крепкого мороза, после сильного,
После снегопада зимнего, обильного,
Неожиданно вдруг наступила оттепель
И по крышам зазвенела ласково капель.

Оттепель в наших сердцах,
Ты наступи поскорее
И только в страшных пусть снах
От горя парнишки седеют,

Будет война лишь в кино
Или в игрушках мальчишек
И пусть к девчонкам в окно
Не пули влетают, а сладкие мишки.

Люди, образумьтесь и остановитесь,
Неужели для войны мы родились?!
С холодной головой во всём вы разберитесь,
Неужели ничему не научил фашизм?!

Остановись, человек!
Не для войны ты рождён!
В наш XXI-ый век
Подумай, что будет потом...

*Н*АШ ХАРЬКОВ

Наш Харьков любимый родился давно,
И стал тот купеческий город
Красив, современен, показан в кино
И нам безгранично дорог!
Да, нам безгранично дорог!

Город парков и фонтанов,
Город мам, детей, отцов.
Харьков – город фейерверков,
Город мудрых стариков.
Город счастья и цветов!

Харьков, как хрусталь тот горный,
Чист он светел и прозрачен.
Народ живёт в нём твёрдый, гордый,
Не мало казаков, казачек.
Не только казаков, казачек!

Наш город студенческий, город науки.
Мы множеству стран дружбы подали руки.
Мы учим строить и лечить.
И харьковчанином как быть!
Почётно харьковчанином ведь быть!

Центральный парк культуры на Сумской,
Он был всегда, но стал сей час такой,
Как чудо-сад, как в сказке городок,
Чтоб каждый горожанин туда смог,
Да! Каждый харьковчанин туда смог,

Пойти гулять и повести детей:
Ходи-гуляй и от восторга ты немей!
А вот Шевченко-парк, каскад и памятник
мячу,
Я в зоопарк и в дельфинарий друга приглашу.
Да! Обязательно я друга приглашу!

Поедем мы прямо – родная Сумская,
Свернём мы направо – другая родная,
На Пушкинской улице влюблённых есть
сквер,
В том сквере фонтан: леди целует сэр.
Счастливые леди и сэр!

Символ Харькова – струя зеркальная,
Ты Слобожанщины – жемчужина главная,
К тебе приходим мы, когда влюбляемся,
Когда мы женимся, когда венчаемся.
Всегда приходим мы и улыбаемся.

Наш Харьков знаменит известными людьми,
Средь них, конечно же, врачи.
Известны миру Гиршман, Данилевский, Ме-
шанинов,
А так же Тринклер, Зайцев, Малая, Шалимов.
Здесь жил Ландау, Гурченко, Шульженко,
Творил Бекетов, Быков, Мулерман,
А фестиваль наш Харьковской сирени
Почтил присутствием Делон, Ришар.
Достойный харьковчанам дар!

Спортивный Харьков горд и чист,
А в центре – славный «Металлист»,

Собрал на Евро он гостей,
В фан-зоне хочешь – так болей!
За Украину ты болей!

Счастливая жизнь пусть в столетиях длится,
Пусть будет мир, война не повторится,
По набережной Первой столицы
Гуляют пусть счастливые лица!
Такие, как сей час, счастливые лица.

БЕРЕГИТЕ ЗЕМЛЮ!

Берегите Землю, воздух, воду,
Сохранить природу нужно нам,
А иначе может быть, поверьте, поздно,
Не простит природа безразличие, обман!

Чистым будет пусть земной наш воздух,
Сохраним мы почву и леса,
Добро делать никогда не поздно,
В реках и морях пусть будет чистая вода!

Мы оставим новым поколениям
Чистую планету, а не пепелище неудач,
Скажем «нет!» мы ураганам и землетрясени-
ям,
Мы не соревнуемся с природой, не проводим
матч!

Пусть солнце светит, соловьи щебечут,
Пусть водопады нам симфонии поют,
И люди пусть родную Землю не калечат,
Её пусть для потомков сохранят и сберегут!

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЯ

За рекой за реченькой соловушка поёт,
Юношам и девушкам спать он не даёт,
О любви единственной думают они,
О любви поют песни соловьи.

А на бережечке рябинушка стоит,
На веточке рябиновой соловушка сидит,
Песнею соловушка душу бередит,
Попоёт влюблённым и к милой улетит.

Ждёт его, соловушку, милая в гнезде,
Чтобы вместе радоваться лету и весне,
Трели соловьиные из гнезда звучат,
Эти песни нежные сердце веселят.

Бухгалтер

Неизбежность... Так ли она тяжела, когда, накатившись, придавливает своим весом? Это тяжесть рока, под которым человек не может распрямиться и лишь вздыхает. Зачем же он взвалил на себя эту тяжесть? Зачем ему неизбежность, если она не дает двигаться вперед? И становится неизбежностью.

Постоянство неизбежности. Неизбежность программы? А закат? Он неизбежен или избытен? Опадание лепестков? Неизбежность мечты ...

Не мечтаете? Тогда вы прагматик, который видит лишь стрелку часов,двигающуюся по кругу циферблата. А в это время солнце ныряет в океан, укрывшись облаком.

Я не фаталист, я верю в неизбежность заката.

Александра Яковлева

Иллюзия. ЗИМА В РАЮ

Не люблю темноту и холод за окнами. Хочу лето... Хочу зиму в раю. Хочу голубую лагуну, пальмы, маленький водопад, спрятанный в листве экваториальных деревьев, вечно зеленых и цветущих. Там пахнет океан, летят брызги, чайки гуляют по берегу. А ночью в небе мигают миллионы звезд! Где-то в траве стрекочут цикады, шелестит тихая волна. Там, под пальмами, стоит домик, наш домик, домик, которого на самом деле не существует.

Внутри, за ставнями, нет жары, там тихо и спокойно. Плетеная мебель — кровать, столик и два кресла. Ведь нам больше не нужно? Сюда никто не придет, это наше место, только для нас двоих. О нем никто не знает и не узнает, и именно поэтому так хорошо здесь.

Солнце восходит. Вода тихая-тихая. В домике слышно, как громко тикают часы на столике. Рядом стакан с водой, это я вчера не допила. На кресле твои шорты, а рядом мое платье. При утреннем неясном свете оно кажется светлорозовым... В постели спим мы. Твоя голова повернута к моему лицу, рука обнимает за талию, а моя лежит у тебя на груди. Через щели в ставнях проникают первые утренние лучи.

Глубоко вздохнув, ты открываешь глаза, смотришь на меня и проводишь пальцем по щеке. Голова отворачивается. Улыбнувшись, ты поворачиваешь мою голову к себе и прикасаешься к моим губам. Веки вздрагивают и приоткрываются.

— М-м-м-м, я сплю-ю-ю-ю... — тихо-тихо произношу я.

Твоя рука скользит по телу.

— Я везде сплю-ю-ю-ю...

Рука продолжает свое движение.

— Там тоже сплю... — говорю я, открывая глаза.

— Спишь? Точно-точно? Везде? — в твоем голосе слышна улыбка.

— Везде-везде...

— Сейчас мы будем тебя будить, — и губы прикасаются к коже за ухом, а рука прижимает меня к себе. Страстный поцелуй вызывает дрожь во всем теле, а сердце начинает стучать сильнее. Сладкая волна течет по телу. Громкие удары сердца заглушают все остальные звуки, а мощная волна уносит нас обоих.

— Какое счастье — быть здесь, — говорю я.

— Надо умыться и позавтракать, — отвечаешь ты.

Но ни я, ни ты не делаем попытки встать...

Солнце продолжает свой небесный ход. В воздухе застыла жара. Мы лежим на песке, в тени под пальмой, играем в «саперов». После того как все мои саперы взорвались на твоих минах, я обиженно встаю.

— Куда ты? — ты удивленно смотришь, как я отряхиваюсь от песка.

— На волю, в пампасы, — мой голос звучит глухо.

— Ты что, обиделась?

— Нет, я просто счастлива, когда проигрываю. У меня такой принцип — проиграла пять раз подряд — танцую от радости! Неужели

не понятно? — и я делаю шаг в сторону, но ты успеваешь схватить меня за ногу и дернуть.

С хохотом я падаю на песок.

— Ну все! Ты заслужил наказание!

— Интересно, какое?

— Сделай так, чтобы пошел дождь!

— Боже упаси! Если пойдет дождь, то наш домик унесет в открытое море...

— Нет, не надо, пусть все остается, как есть...

— Пойдем окунемся?

— Я не хочу.

— А я не хочу, чтобы ты перегрелась на солнце.

Ты берешь меня за руку, и как маленького ребенка тащишь в воду. В воде я начинаю упираться еще больше и в этот момент наступаю на что-то острое.

— Что случилось? Порезалась?

— Кажется да, я наступила на ракушку...

Выйдя на берег и усевшись на песок, я рассматриваю ранку.

— Хоть бы никакая зараза не прицепилась, надо обработать йодом.

Ты уходишь в домик и возвращаешься с аптечкой. Замазав ранку и залепив лейкопластырем, я грустно вздыхаю.

— Ну вот, теперь я еще и раненая. Чудно-чудно...

— Перестань капризничать, ранка ерундовая.

— Их бин больной, — морщусь я, глядя из-под ресниц.

Солнце все дальше и дальше уходит на запад. Оно занято своим космическим делом. А мы спрятались от мира, календаря и людей. Жаркий день сменяется на прохладу вечера. Мы бродили по берегу, а за нами по пятам шли чайки, выпрашивая кусочки хлеба. Весь пляж был покрыт их следами. Иногда я бросала камушки в воду, стараясь закинуть как можно дальше. Бегая по пляжу в закатанных до колен брючках, я была похожа на подростка, которому некуда деть свою энергию. Ты следил за мной с улыбкой на лице.

— Лизка, не лезь в воду, опять на что-нибудь наступишь!

Я подбежала к тебе и поцеловала:

— А ты меня опять полечишь.

— Я не хочу тебя лечить, я просто тебя хочу...

Я уткнулась носом тебе в грудь.

— Мы, как два китайских болванчика, которые синхронно качают головами, — тихо сказал ты.

— Вот так? — я смешно покачала головой. Ты прижал меня к себе и прошептал: «Моя китайка». Вот уже и сумерки. Я иду по теплему песку к самой кромке воды, пришла сюда, чтобы побыть наедине с тишиной. Смотрю, как

на берег, наталкиваясь друг на друга, спешат волны. Закатное солнце погружается в океан, окрашивая небо в золотистый цвет. Я сижу, обхватив колени руками, и думаю: «Почему в моей жизни так происходит?» Жду ответа, но мне никто не отвечает. Ответ должен прийти, он не может не прийти. Если вопрос сформулирован правильно — ответ обязательно придет. Есть я, есть океан, есть небо, солнце, птицы, песок — только ответа нет. Значит нужно поставить вопрос иначе: «Я иду не туда, куда нужно? Это не мой путь?» И опять тишина.

Время уходит, сумерки сгущаются. Свет вместе с солнцем ушел к другим людям. На нашем берегу темнеет. Океан не ответил, небеса промолчали, чайки улетели. Только я осталась. На горизонте еще видна узкая полоска света, но скоро и ее не будет. На небе появились первые мерцающие звезды. Тихие шаги за спиной. Ты подошел и сел рядом, обняв меня рукой:

— Что ты так долго здесь сидишь?

— Хочу кое-что понять.

— Что?

— Что в моей жизни происходит. Ты разве не думаешь об этом? Вот если бы ты вышел на берег и не нашел меня. Ни меня, ни полотенца, ни следов на песке. Что бы ты тогда сделал? Спокойно вернулся в домик и лег спать? Не переживал?

— Конечно, переживал. Искал бы тебя везде.

— Везде? Зачем? У тебя же и так все есть.

— Я никогда не говорил, что у меня все есть.

— Да, такими словами не говорил. Но я же в переносном смысле... Чего в твоей жизни не хватало? Меня?

— Может быть... тебя не хватало...

Мы повернули головы друг к другу. В темноте трудно различить выражение лиц.

— Как странно видеть твое лицо в темноте. Ты словно светящийся дух Луны.

— Луна — олицетворение женского начала, а Солнце — мужского.

— Откуда ты это взяла?

— Прочла в книге. Солнце ослепляет, а Луна дарит мягкий свет, почти невидимый, но от него так же светло, как от Солнца.

— Женщины любят ослеплять.

— Нет, просто они любят все ослепительное.

— Ты тоже?

— Иногда — да, иногда — нет. Бывает так, что слишком много света — плохо, от него устают глаза. А от лунного света не устают, он очень нежный.

— Ты фантазерка. Сама придумываешь себе что-то и веришь в него.

— Лучше верить в себя и в свое, — еле слышно ответила я. — Хочешь, я расскажу тебе одну

историю? Ты читал Брет Гарта «Габриэль Конрой»?

— Не помню, может быть и не читал.

— В этой книге описана одна история. Когда-то давно жил один человек, обыкновенный человек, ничем не примечательный. И никого у него не было, кроме младшей сестры, которую он очень любил. Этот человек не позволял никому вмешиваться в свою жизнь. Жили они очень дружно, люди удивлялись, глядя на них

— Чему же люди удивлялись? Этот человек был простой? Настоящий? Не волшебник?

— Нет, он не был волшебником. А вот его сестра была феей... И знаешь, что меня зацепило в этой истории? У них были свои тайны, о которых никто не знал...

— У нас с тобой тоже есть своя тайна.

— Да, поэтому мы чем-то похожи на них. Потом там рассказывалось, что эта девушка Олли умела делать своим природным даром много хорошего, брат даже не догадывался об этом. Он думал, что все делает сам. А жили они в чудесном дворце в лесу.

— Как мы с тобой в этом домике на пляже. Только ты мне не сестра... но значишь для меня гораздо больше.

— Правда? — я пыталась рассмотреть в темноте, не улыбаешься ли ты, но не смогла.

— Что же было дальше?

— А дальше произошла трагедия. Мужчина должен был покинуть дворец, но никак не мог решиться рассказать об этом своей сестре. Все-таки ему пришлось это сделать, другого выхода не было. А сестра ответила: «Всё, что хорошо для тебя, хорошо и для меня, потому что я с тобой, и мы не можем друг без друга. Мир широк, а перемены украшают жизнь». Так она ответила.

— Она хорошо сказала. Но представляла ли она, что ждет их впереди?

— Никто не знает, что ждет его впереди. Разве ты знаешь?

— Я знаю.

— А я — нет. И не хочу. Я живу сегодня. Если у меня завтра будет также хорошо, как и сегодня, значит, жизнь прекрасна. Зачем заглядывать в завтра? Тебе плохо сегодня?

— Нет, мне хорошо, и я не тороплю завтра. Но я знаю, что все в этой жизни имеет начало и конец.

— Имеет. Но мне важнее хорошее сегодня, чем неизвестное завтра. Ты уверен в том, что будет завтра, а я в том, что сегодня.

— И тебя не беспокоит, что будет с тобой потом?

— Я не знаю, будет ли это «потом» вообще. Поэтому пусть лучше будет сегодня.

— Хорошо, пусть будет.

— Пойдем спать?

— Пойдем.

И мы идем в полной темноте, а за нами по воде тянется лунная дорожка.

Войдя в домик, мы не стали зажигать свет.

— Ты не исчезнешь?

Вместо ответа ты прижимаешь меня к себе.

— Откуда ты взялась?

— Афродита родилась из пены морской. С тех пор любовь вписана в воду. Может, и я там родилась?

— Если бы ты родилась в воде, ты была бы русалкой. Мокрой и холодной. А ты жаркая и горячая...

— Ты про анатомию и физиологию?

— В этом нет ничего плохого.

— Раньше я так не думала.

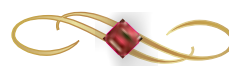
— А теперь?

— Теперь я знаю, что есть анатомия любви.

В темноте слышно наше дыхание. Поцелуи электризуют кожу и волосы. Мужчина и женщина занимаются любовью на берегу океана. Все исчезает. Пространство замыкается. Внутри темноты остаются только прикосновения.

Ночь вступила в свои права. На темно-синем небе светятся звезды. Где-то там, в глубине космоса, есть и желто-красная звезда Антарес, одна из самых красивых навигационных звезд нашего неба. Она светит тебе. И всем, кто по ночам не спит, кто поднимает свои глаза к небу. Звездная ночь любви. На берегу голубой лагуны, с маленьким домиком под пальмами.

Зима в раю быстро заканчивается. Один день, одна ночь... И мы возвращаемся в нашу реальную жизнь. И кто знает, может, реальная жизнь гораздо лучше, чем иллюзорный рай под пальмами.

Диана Яковлева

Студентка 2-го курса стоматологического факультета.

Родилась в г. Чугуеве Харьковской области. Окончила Чугуевскую гимназию № 5. Ещё в школьные годы мечтала об университетских аудиториях. Любовь к науке определила будущее.

Считает, что нет медицины без врача, а врача без веры.

Литературное творчество как способ отдыха нарисовало образы многогранной жизни.

Победительница III этапа Всеукраинского конкурса-защиты научно-исследовательских работ учеников-членов МАН (2012 г.), а также Международного языково-литературного конкурса им. Тараса Шевченко (2012, 2013 гг.).

Сейчас — студентка стоматологического факультета ХНМУ. Лауреат стипендии президента Украины.

В саду нетанучих скульптур

У небі Молодик збирав ранкові зорі,
Минаючи Україну, брели голодні й голи
Забуті кріпаки, що жили в непокорі,
У Вільно й Петербурзі вони жадали волі.

Його життя — то стрічечки шовкові,
Перепелелися змійки кольорові,
Де чорна — це журба,
Червона — виклик долі.

Душевний біль і хворобливі очі —
То примхи часу, безжалісно пророчі.
Не маючи оселі, прямує навмання,
То, може, хоч в Пальмірі здобуде він знання.

Брюллов, Жуковський, Глінка,
окремо Енгельгард
Наука і мистецтво — прибуток і азарт.
Крижинка-місто від холоду хрумтить,
Мішани у кожухах, а візник, знай, тремтить.

Знайомий друкар Фішер розв'язує клубки,
І «небезпечні» вірші друкує залюбки.
Театр червоний, гамір, афіші навкруги:
— Опівдні Шепкін грає, купи мені квитки!

Минають дні багрянні, палахкотять свічки,
Та впевнено працює поет задля мети.
Вирує Дніпр широкий і вітер завива,
Свободу Батьківщині, Marseillaise жива.

Доля

Прийшла біда до нас 22-го червня 1941 року,
звалася вона Велика Вітчизняна війна. Не льо-
ном, який лежав на ланах, не яблуками в садах,
не медом та борошном свіжого помолу стало
пахнути літо. Вітер ніс запах пожеж, порохово-
го диму, розпеченого металу.

Сім'я моєї бабусі у 1941 році жила в селі
Кашівка, що під Ковелем. Тому не дивно,
що старший брат бабусі Василь з перших днів
війни вступив у бій з фашистами.

У 1941 році дядько Василь попав у полон.
Його відправили до Німеччини, до табору
смертників. Кожному зі смертників випікали
гарячим залізом на грудях тавро. Полонені
важко працювали, а потім їх знищували. Якось
вони задумали втечу, тому що, крім смерті,
на них нічого не чекало. Полонені сподівалися,
що, може, хоч один зі ста залишиться живий.

Дядькові Василю вдалося втекти із табору. Ра-
зом зі своїм товаришем він вирушив в Україну.
Уночі йшли, а вдень ховалися в лісі. Так вони
дійшли до Польщі. Знесилені й голодні, зайшли
до крайньої хати. Далі ховатися в лісі в них
не було сили. Поляк поцікавився у дядька Васи-
ля, звідки він родом, з якої області, села, як зва-
ти батьків. Тоді й каже, що його батька знає.

Цей поляк, як виявилось, був паном у селі
Кашівка, тому що землі Волині до 1939 року
належали Польщі. Він сказав, що батько Васи-

ля був працелюбною і чесною людиною. Поляк допоміг полоненим, не здав їх німцям.

У 2006-у році дядько Василь помер. В останню дорогу його проводжало все село.

Україна... Золота, чарівна сторона. Весь народ піднявся на захист своєї Батьківщини, віддав своє життя в ім'я щастя і свободи, чистою неба і ясного сонця. Люди не підкорилися фашистським загарбникам, не захотіли стати рабами. Не дивлячись на всю жорстокість, звірства, вбивства, вороги не поставили мій народ на коліна.

Минають роки. Сліди війни зникають з лица землі. Час зрівняв окопи, на полях минулих битв колосяться хліба. Вже багатьох ветеранів немає в живих, але безсмертним залишається подвиг українського народу.

АСТОР І ПОЛЛУКС

Як вони зустрілися? Два художники, дві величини. Палали бульварні вогні — ліхтарики дивовижного міста. Зоряна академія, хвилі Балтійського моря й захват свободи. Дуже багато широстей чув Шевченко про цю людину. Стояв поблизу синього прибою, уважно розглядаючи обличчя перехожих. Ішли різні персони, але однаково не цікаві. Дивно... Стільки людей, але індивіди приховані серед галасу, здається, що вони розчинилися «в суматохе дней». І якщо побачити видовище сьогодення поверхнево, якимось математично, то розумієш, що приховані сили керують світом. Шевченко мріяв про друга-романтика, але надії танули, як білий сніг мовчазних алей. Не дарма в народі кажуть: «Ждали, ждали і всі жданики проїли». Відвідав Штернберг Кобзаря несподівано, як справжній друг і товариш. Біла посмішка радісних очей, шуба й хутряна шапка. Самотній мандрівник з валізкою в руках, як часто бачиш самотніх або нетутешніх, одним словом, туристів.

На чужині він розумів його найкраще, оскільки Україна для Шевченка, перш за все, — духовна батьківщина, (як Франція для Гюго, Польща для Міцкевича, і як Аляска для Кервуда). Творчих друзів поєднали краса неозорого степу, хрестоцвітий рушник, доля українки, а також веселий ярмарок і задушевна Пасха.

Штернберг поклав дорожню валізу й оглянув кімнату з мольбертом. Помітив дві полиці. «Верхня заставлена статуетками й кониками барона Клодта, а нижня безладно завалена книжками», а ще вигравала маска Лаокоона й прекрасної натурниці Фортуни. Помешкання на 9-й лінії в будинку пекаря Донненберга... Нічого зайвого, лаконічний інтер'єр для тих, що ладні бачити тільки гру фарби, для ко-

лишнього кріпака й загадкового мандрівника. Шевченко малював завжди та скрізь, ніби хотів передати всю неповторність колишнього часу в найтонших барвах. Хапався за нового друга, як «утопаючий за круг». Штернберг солодко спав, а наш, непозбавлений гумору розуміючий Кобзар, примостився з олівцем, щоб тихо відзначити риси цього північного ковбоя. Всі обличчя цікаві, цікаві й цікаві! Безтурботний Штернберг таки спіймав його на гарячому.

Тепер час підкорявся художникам, розмовляли й читали ночами. Наступного разу, купивши «лямпу», (небувала на той час розкіші) запрошували товаришів на чай із сухарями. «Бідні, але невинні діти», вони були чайками, що бриніли в небесах над суворими хвилями життя. Якого?.. По ліву руку сидів Шевченко з олівцем, по праву — Штернберг з книгою, блищала новенька лампа, ніби золотився світ, — крапля в морі шасливих доль.

Брюллова розуміли обрані, автор геніальної Помпеї виробив театральний пафос і жест, одначе любив ширих друзів і теплу, приємну розмову. Молодий Шевченко назавжди запам'ятав червону кімнату, зброю та цей вивчаюче мудрий погляд. Вони любили театр, класичні й досконалі п'єси. Юні художники споживали науку, як медовий пряник, сягаючи творчого піднебесся. Ловили гусака для Петровського, читали Вальтера Скотта, носили однакові пальта з англійської байки. Вишукані інтелектуали, гості Шмідтів, Фіцтумів та Йоакімів. Милого Поллукса назавжди поглинув Рим, але звичайних доль не існує, рукописи не горять.

Поїдеш далеко,

Побачиш багато;

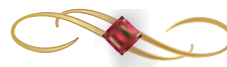
Задивишся, зажуришся, —

Згадай мене, брате!

І якщо ти колись споглядатимеш нічний Петербург, то побачиш славетні тіні, доли-океани й приховані міражі...

Де ті світанки-ранки,

Вони вже зникли крізь віки.

Никкеабасси Басси Экотт

Студент 3-го курса VI медицинского факультета

Никкеабасси Басси Экотт родился в Уйо (Нигерия). Писатель и поэт верит в способность искусства расширять границы человеческих взаимоотношений, объединяющих людей. Он пишет «проэзию», что является смесью прозы и поэзии.

Начал выкладывать свои работы в интернет после того, как прилетел на обучение в Украину. В начале 2013 года он сделал небольшой доклад в музее Г.Сковороды и был приглашен на мероприятие в Харькове, посвященное А.С. Пушкину, где прочёл свое стихотворение на одной сцене вместе с известными украинскими поэтами.

Он организовал *Verses&Melodies* совместно с Марком Адамским. Забавно, что идея эта возникла у ребят в пиццерии.

В настоящее время готовит свой сборник поэзии «Путешествие эмигранта», в котором рассказывает свою интересную историю.

Cultures and love

Cultures are different
From place to place
The way people fall in love
The way people get married
Today is 1860
In that city of Love
In that city of Lights
Which some call Paree
And others call Paris
There is a Bella donna
Which means beautiful woman
Preparing for a date
She slips into the garden
And takes the plant Atropa
She takes some drops and puts in her eyes
She desires her eyes to dilate tonight
For the Parisian man, beauty is in the eyes
Her eyes do not only dilate
She is also now as blind as a bat
She is as dry as a bone
And as Red as a beet
She is also as hot as a hare
So the doctor is called

The doctor arrives
And he knows his job
He gives Neostigmine
which fixes everything
Today is 2013
In Medical Hostel 6
There is a lady preparing for lectures
Who is also looking for love
She puts on a layer of makeup
Which some call foundation
She paints and writes on her face
She jumps on a pair of 8-inch heels
And runs off to school
Does she know that her makeup
Might be bad for her skin?
Does she care that those heels
May cause her back pain?
One can never understand
The things women do
As they seek for men to admire them
But what we do know
Is that it did not start today!
From Paris to Kharkov
Generation to Generation
Women want to be admired.

Студентка 3-го курса VI медицинского факультета

Родилась в Намибии. Её поэзия не для головы, а для сердца! Верит в то, что лишь слова, идущие от сердца, способны звучать по-настоящему громко и поэтому передаёт эмоции через свои поэтические строки.

Первое стихотворение было написано в 13 лет. Это произошло на уроке литературы под воздействием на неё и её подругу красоты рифмы.

Дина Барнабас

Home

Often times I would sit on my window pane
Looking at an environment that seems so
strange
I feel an ache in my heart, a certain longing
A certain void, which nothing is filling.
Not the music, not even my favourite
chocolate bar
My body is here, but yet my mind is so far.
To a place my heart calls home
The next thing I do is reach for the phone.
Then suddenly I hear a voice inside me,
A voice so calming- that fills me with;
A certain hope for a future unknown to me,
A future so bright I need shades to see.
A purpose to be fulfilled, it only takes
Faith to Believe.
Then in that moment of mixed emotions
With no magic wand, with no kind of potion
I tell myself Home is where I want to be
But right now, right here is where I need to be,
To complete a journey I started
From the very day I departed.
And even in times when things go wrong
I will never doubt where I belong.
A situation is what we make of it
And I choose to embrace this.
There will be no distance too far,
My heart will always be where they are.
So I smile and walk up to my bed,
With no single tear shed;
I am filled with peace in my heart and ready
To lay my head.
Home; There is no place that fare.

Дом

Часто я сидела, в окно смотрела.
«Всё так странно», — мысль посещала.
Ощущала я тоску, а в сердце рану,
И падала в незримую пустоту.
И музыка, и шоколад чужды мне стали.
Душа была там, в теле пусто стало,
В месте, которое сердце домом называло.
Что я делаю теперь? Руки сами трубку взяла.
Наедине, но голос эхом говорит во мне.
Голос успокаивал, наполнил чувством,
Мыслями о будущем — о таком неизвестном,
С яркими красками и оттенками на окне.
Цели для достижения нужна вера
Затем, чтобы в тот момент чувства смешать.
Без палочки волшебной,
без волшебного зелья
Я говорю себе: «Дом там, где хочу быть я»
Но я здесь сейчас, где быть должна.
Чтобы тот путь пройти, что начала я.
И даже во времена, когда не идут дела,
Не буду сомневаться права ли я.
От взгляда зависят все наши дела.
И я наконец-то это поняла.
Родина рядом, куда б не закинула судьба,
Ведь в моём сердце всегда находится она.
Улыбаясь, я спать иду,
Не собираюсь пускать слезу.
С миром в сердце голову склонила,
Перед тем, что домом я назвала.

Перевод Павла Слинько,
студента 4-го курса
III медицинского
факультета

Изобразительное
искусство, фото,
рукоделие

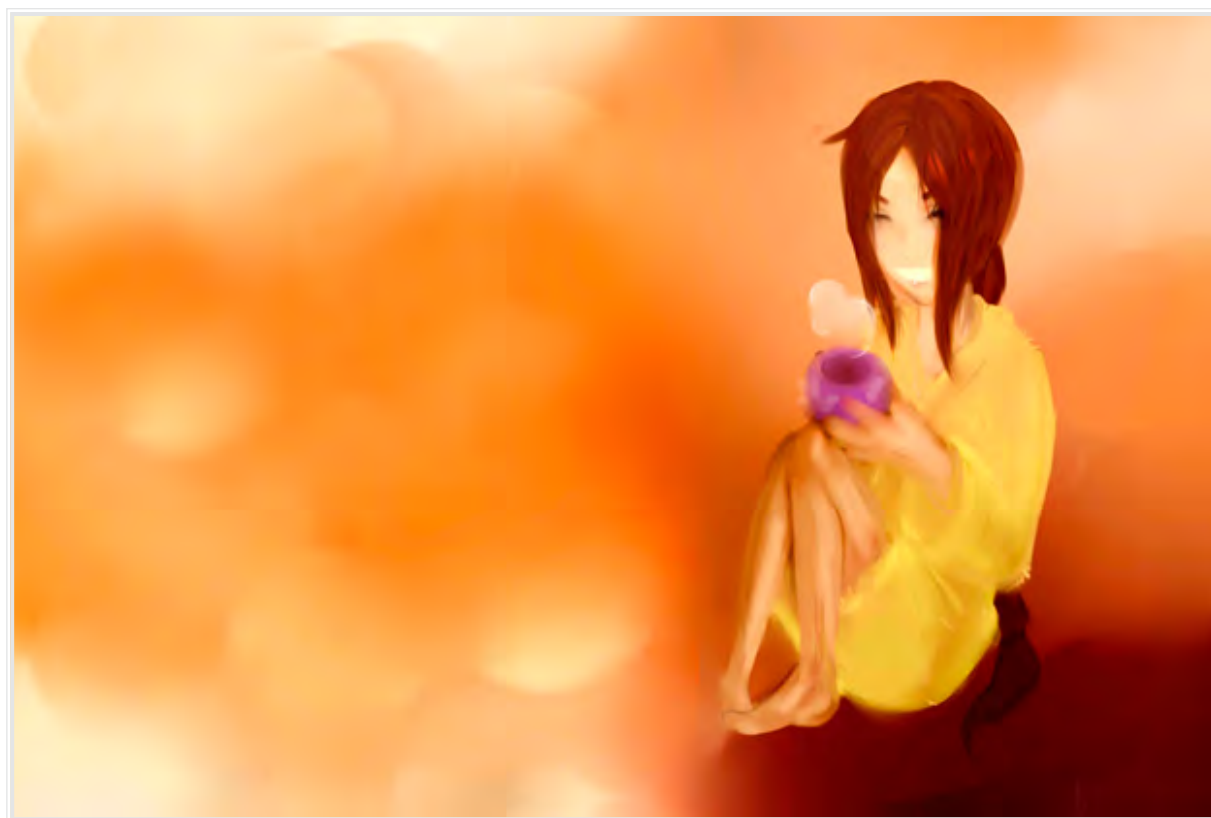
Диана Азами

Студентка 3-го курса II медицинского факультета

Я люблю наблюдать за людьми. Каждый день. Пока еду в автобусе, просто иду по улице, сижу на занятиях. То как меняется выражение лиц, какие разные бывают походки, манера говорить. Меня никогда не перестанет поражать этот огромный поток столь различных и незнакомых мне людей. Вот так понаблюдаешь и задумываешься. Как можно считать, что все мы одинаковы? Разве можно чесать всех под одну гребёнку? Да, у нас могут совпадать мысли, вкусы в музыке, одежде, пище. Но внешне и внутренне мы абсолютно разные!!! Все мы имеем особенности, недостатки, привычки, идеи, мысли, чувства... Всё это в совокупности и создает огромную Вселенную под названием «Человек».

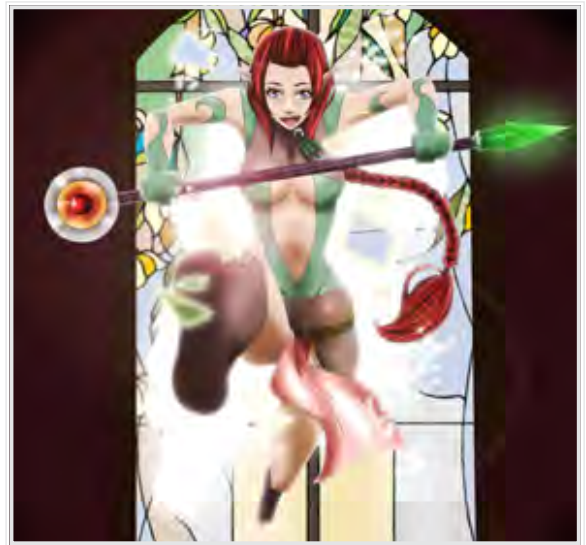
Осень

Зима идет

Динара

Sangoko

Я и мой брат

Макото

Виктория Бритякова

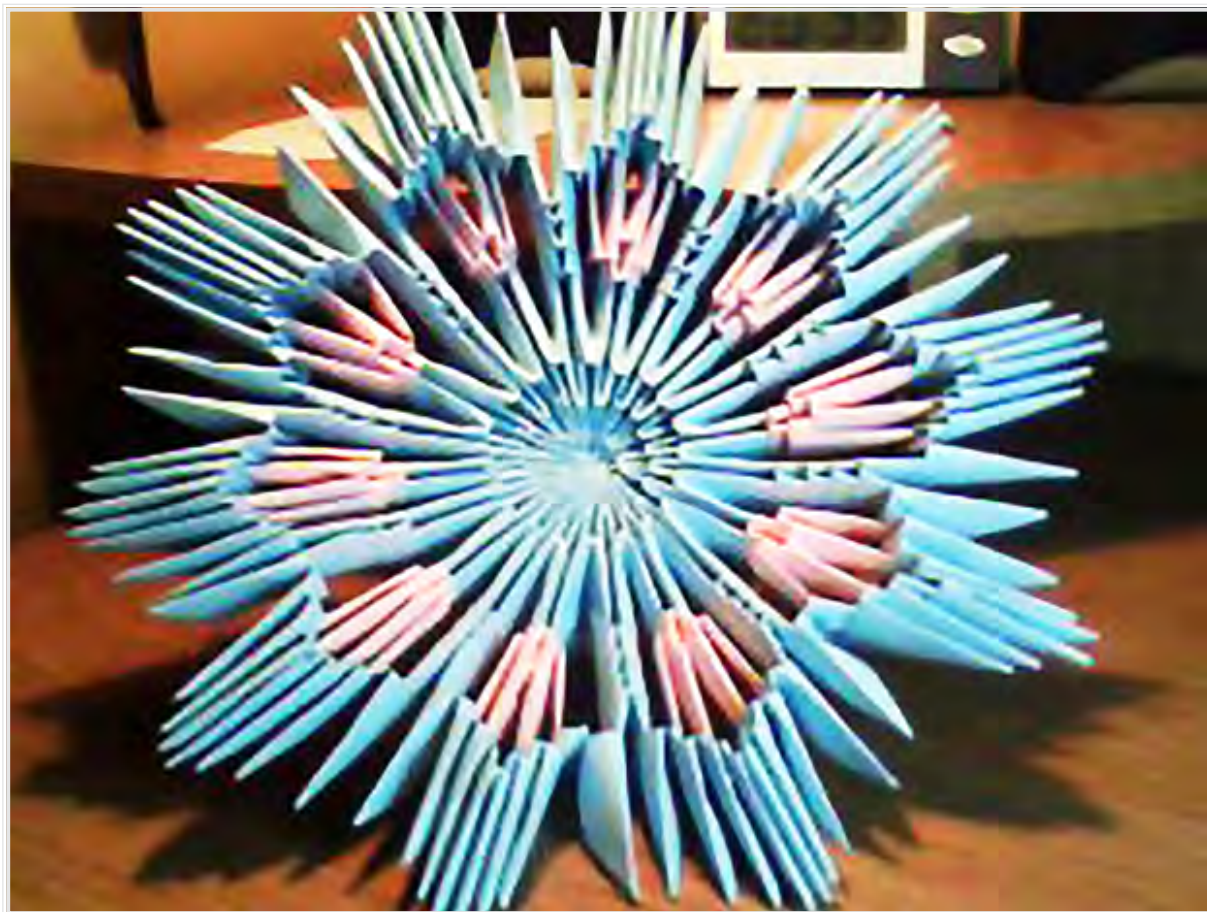

Техник редакционно-издательского отдела

Сложно жить без моих поделок. Творчество помогает отойти от суеты, проблем, создает свой тихий и светлый внутренний мир...

А самое главное – оно помогает в борьбе с депрессией, которую иногда подбрасывает наша непростая жизнь.

Земная звезда

Сотрудник научно-библиографического отдела библиотеки

Родилась в Харькове, в семье инженеров. После школы поступила в Харьковскую академию культуры, которую закончила в 2007 году. Работает в научной библиотеке ХНМУ.

Фотографией начала увлекаться с 2003 года, снимала плёночными фотоаппаратами, но, к сожалению, плёнка значительно ограничивала возможности. С появлением цифрового фотоаппарата и зеркальной камеры фотография стала значительной частью жизни.

Любит путешествовать, и не только в другие города и страны, но и в своём родном городе. В привычных местах нравится находить необычное, снимать с интересных ракурсов, при разном освещении. Очень любит свой город, и каждый раз, выходя с фотоаппаратом на прогулку, открывает его для себя.

Фотографии-репортажи с Евро-2012 публиковались в многотиражке «Медичний університет», а также на сайте университета. Фотоработы принимали участие в областном профсоюзном конкурсе «Їх друге покликання» в 2012 году.

Вероника Вискова

Провода

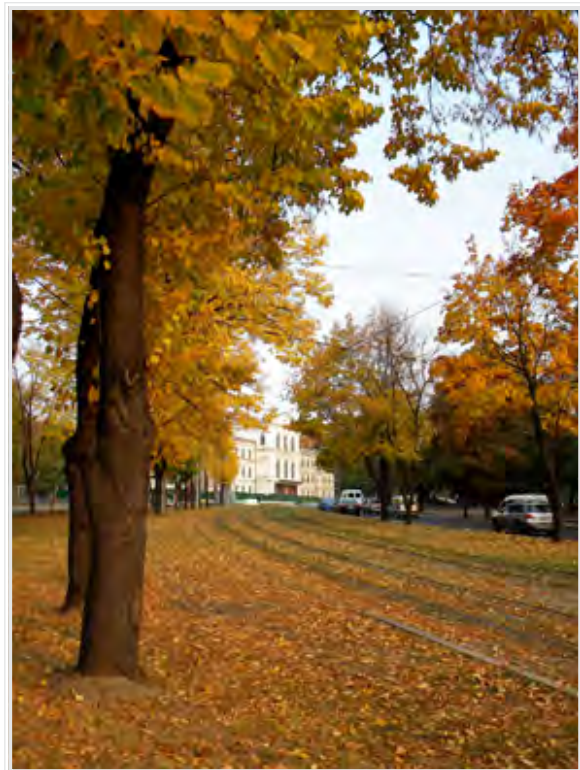

Водные забавы

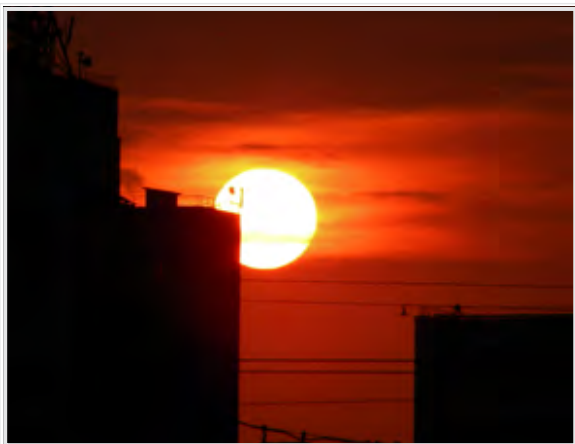

Харьковские берега

Величие осени

Город спит

Студентка 3-го курса II медицинского факультета

Родилась в Харькове. После окончания лицея при университете им. Каразина нарушила традицию семьи инженеров-электриков и поступила в Харьковский медицинский университет.

По избранной дороге шагает вместе с разнообразными увлечениями. Это иностранные языки — английский и немецкий. Это футбол — верная фанатка харьковского «Металлиста». Но, пожалуй, главное — вышивание крестом, которым увлеклась еще в седьмом классе. Правда, любимому хобби не может отдавать много времени, так как учеба отнимает у будущего врача порой даже досуг. Но как только выдается свободный час, она проводит его с иглой в руках.

 Оля Вишневская

Зеркальная струя

Вячеслав Давиденко

Заведующий кафедрой детской хирургии и детской анестезиологии, профессор, доктор медицинских наук.

Прошли годы... Нет! Пролетели галопом! Душу греет сознание того, что за эти годы подарил жизнь тысячам и многим тысячам — здоровью!

Хочется сохранить это тепло, которое и вдохновляет ...

Фудзи-сан

Проталины

Скалы Синая

Осенний ручей

Зимние тени

Фиорд

Отражение

Владимир Дуденко

Заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии, доктор медицинских наук, профессор.

Помимо работы привлекает рыбалка, музыка и фотография. Причем совместить эти вещи невозможно — на рыбалке нужна тишина, музыка должна быть погромче, а фотография требует от тебя впечатлиться. Вот так и проходит вся жизнь — в борьбе. Впрочем, эта борьба скорее приятна, чем утомительна.

Необычное рядом

Высоко сижу

Рыба-хирург

Просто ветер хамсин

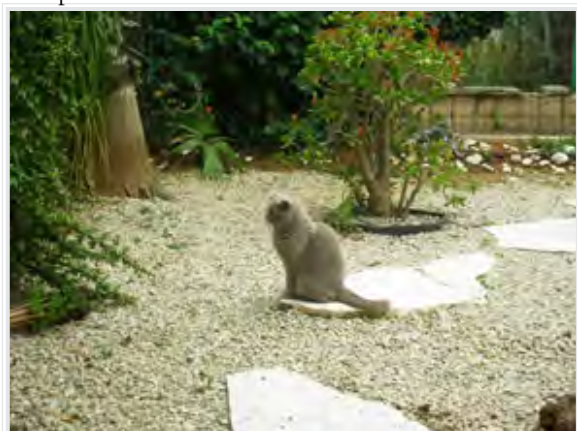

Кесария

Медитация

Одиноко

Ванна Жадан

Инженер научной библиотеки

Родилась в г. Соликамске Пермской области в семье кадрового военного и врача акушера-гинеколога. В 1955 г. семья переехала жить в Харьков.

Окончила Харьковский институт радиоэлектроники. С 1994 г. работает в научной библиотеке ХНМУ инженером.

В галерее «Маэстро» была выставка кукол. Больше всего понравились куклы-японки, сделанные по технологии темари. Захотелось сделать самой. В интернете нашла описание.

Темари — вид старинного японского традиционного ручного творчества, искусство вышивки шаров разноцветными нитками. В VIII веке Япония импортировала из Китая мячики для игры ногой. Их называли кемори. Мячи с вышивкой шелковыми нитками появились в XIV-XVI веках. Первыми их стали делать дочери самураев (темари — мяч принцессы, мяч двorca). После замужества они в свободное время занимались вышиванием на шариках.

Поняв закономерности построения орнаментов, трудно удержаться от желания собственноручно создать хоть один маленький шедевр. Получилось!

Матьяна Золотарева

Экономист планового отдела.

О, танец! Ты — мечты моей стремлень!
Прекрасней ничего на свете нет,
Чем торжество любви и вдохновенья,
Оваций восхитительный букет!

Фокстрот и танго, джайв и тарантелла,
Король всех танцев старый, добрый вальс.
И музыки чарующая сила
Несет и кружит в звездном вихре вас!

Здесь буйство красок, нежных чувств мгновенья,
Мельканье рук, движенье ног...
О, танец! Ты — великое творенье,
Волнующий, божественный восторг!

Танец дервишей

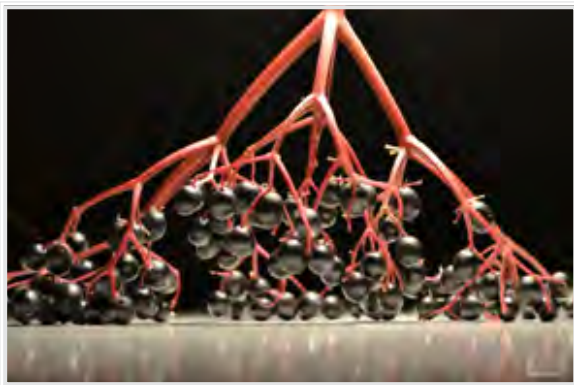

Фокстрот

Аргентинское танго

Кармен

Дисотека

Заведующий кафедрой гистологии,
цитологии и эмбриологии, доктор
медицинских наук, профессор.

Я люблю свою природу —
Море, реки и леса.
Потому что год от года
Всё понятней мне краса
Смены красок над водою,
Солнцевсходов чудеса.
Сердце зашемит порою
От того, как над горою
Летом, осенью, зимою,
Восхищая нас собою,
Радость дарят небеса!

Сергей Масловский

Винница

Поле

Ницца. Набережная

Париж. Замок Консьержери

Монако. Музей океанографии

Мукачево

Камни в море

Эврика

Декан стоматологического факультета,
доцент кафедры стоматологии детского
возраста, детской челюстно-лицевой
хирургии и имплантологии, кандидат
медицинских наук.

«Если бы люди с такой же легкостью прощали
чужие ошибки, как свои собственные, в мире
была бы полная гармония»

*В*иктор Никонов

Небо Санкт-Петербурга

Финский залив. Закат

Закат

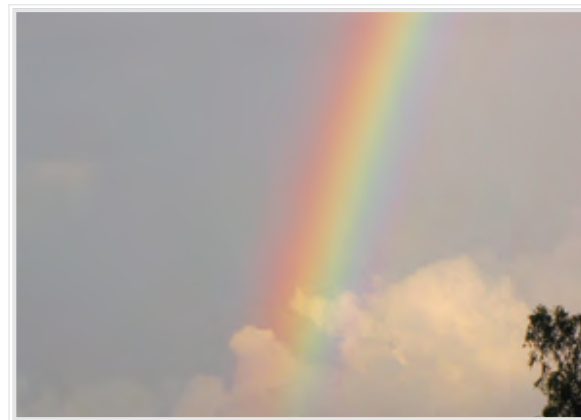

Вихри неба

Сквозь Века (Санкт-Петербург)

Радуга

Студентка 4-го курса стоматологического факультета.

Здоровье и знания купить невозможно.

Истинные друзья познаются не в беде, а в радости.

Юлия Никонова

Натюрморт с персиками

Краски заката

Корабль

Белая роза

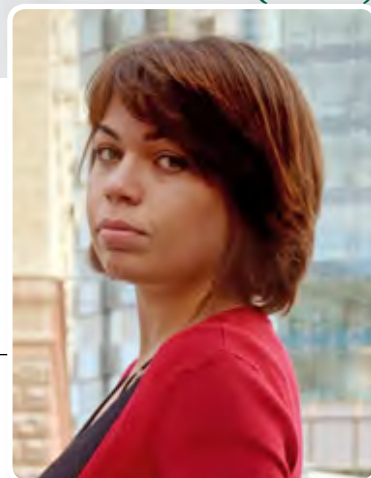
Натюрморт с вином

Студентка 5-го курса стоматологического факультета.

Довольно часто я слышу вопрос: «Когда ты успеваешь еще и рисовать?». Действительно, может, это и кажется почти невозможным, учась в медицинском университете, живя самостоятельно не в родном городе, работая вечером и рисуя на заказ. Но для меня самое интересное, самое естественное и необходимое — рисовать для себя несколько раз в неделю. В эти моменты время искажается, я его не трачу. Это мой способ его остановить.

Ксения Самосенко
(Ким)

Пара

Турция, обрыв

Красная Шапочка

Лилии

Улыбка

В воде

Старший инспектор отдела кадров.

Родилась в Харькове. После окончания школы поступила в Харьковский национальный университет внутренних дел, который закончила в 2009 году, получив специализацию по управлению персоналом. Работает в Харьковском национальном медицинском университете старшим инспектором отдела кадров. Одновременно заканчивает обучение в магистратуре.

Любит автомобили и вообще — скорость. Свободное время посвящает рукоделию — вязанию, макраме, вышиванию, рисованию, отдавая любимым занятиям лучшие качества творческой души. А когда удаётся создать что-то интересное, вдохновение помогает выразить нахлынувшие чувства на бумаге. И получаются стихи...

Марина Сиверчук

Мадонна

Екатерина Феде-Вензель

Студентка 3-го курса I медицинского факультета.

Жизнь словно полотно. Художниками картины, нарисованной на нем, являются судьба и время. Именно судьба решает, когда и какой краской воспользоваться и что нарисовать. Но не всегда нам нравится та картина, которая получается. Мы часто хотим что-то добавить, стереть, что-то исправить... И лишь время может правильно распределить все цвета. Именно оно подскажет, какую краску нужно добавить, а какую убрать...

Закат

Студентка 3-го курса II медицинского факультета.

Мы носимся, заряжённые идеей, игрой, азартом, жадной победы, мы стремимся только вперед. 19 лет ведь это, в сущности, начало, за спиной распахнутые крылья, кажется, секунда — и полет. Впереди незримые просторы — медицина, жизнь, любовь! Любовь к своему делу — это любовь к жизни как таковой. И мы впитываем в себя каждое ее мгновение, переполненное яркими красками и эмоциями, которые отражались в моих картинах в раннем детстве и продолжают отражаться сейчас.

Анастасия Явдак

Натюрморт с розой

Кувшин

Осень

Натюрморт охотника

Студент 3-го курса VI медицинского факультета

Мустафа родом из Ирака. Его главное и единственное хобби — запечатлеть на фото красивые неповторимые моменты.

Фотографией начал заниматься два года назад. Первое, что вдохновило, было желание представить луну именно в таком виде, в котором её видит человеческий глаз. Однако телефонная и цифровая камеры не позволяли сделать этого. Поэтому его заинтересовали другие возможности сделать желанный снимок. Приобретение зеркальной камеры помогло заняться по-настоящему ночной фотографией, в которой присутствует множество огней и цветов, и уличным фото, когда можно фотографировать людей, своим внешним видом и поведением рассказывающих множество историй.

Мустафа Маджид Аль-Шавваф

Ночная молния

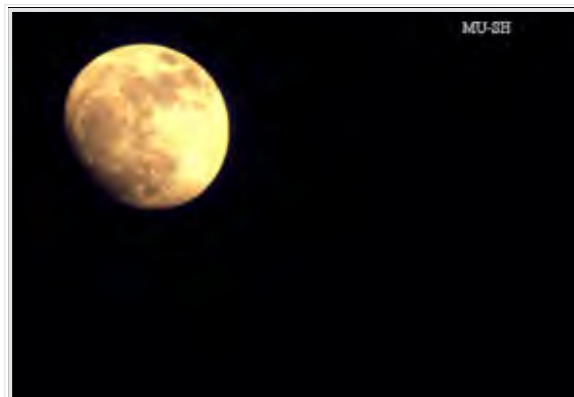
Внимательный собеседник

Роза

Ночная улица

Луна

Песня души

На встречу с юностью

Содержание

Поэзия, проза	5
Альфия Акжигитова.....	6
Алла Алексеенко.....	8
Таисия Богданова (Тая Каури).....	10
Андрей Вергелес.....	11
Наталья Гужва.....	13
Наталья Дубская.....	15
Александр Ершов (Армантский).....	17
Андрей Заздравнов.....	18
Вера Коваленко.....	22
Сергей Коваль.....	24
Татьяна Кулик.....	26
Филипп Лавров.....	28
Владимир Лесовой.....	30
Светлана Матвеева.....	32
Дария Молчанюк.....	34
Наталья Некрасова.....	36
Ольга Озёркина.....	38
Роман Олентьев.....	40
Марина Орлова.....	47
Татьяна Петренко.....	49
Анна Степаненко.....	51
Елена Столярова.....	55
Анна Сыровая.....	57
Александра Яковлева.....	59
Диана Яковлева.....	62
Никеабасси Басси Экотт.....	64
Элина Барнабас.....	65
Изобразительное искусство, фото, рукоделие	67
Диана Азами.....	68
Виктория Бритякова.....	70
Вероника Вискова.....	71
Юлия Вишневская.....	73
Вячеслав Давиденко.....	74
Владимир Дуденко.....	76
Жанна Жадан.....	78
Мария Ленская.....	79
Сергей Масловский.....	81
Виктор Никонов.....	83
Юлия Никонова.....	85
Ксения Самосенко (Ким).....	87
Марина Сиверчук.....	89
Екатерина Феде-Вензель.....	90
Анастасия Явдак.....	91
Аль-Шавваф Мустафа.....	93

В альманасі зібрано вірші, прозу, репродукції живопису, прикладного мистецтва та фотографії співробітників, викладачів і студентів Харківського національного медичного університету. Відбита творчість авторів, які стали вже старожилами альманаху, з'явившись на сторінках його першого видання, представлені імена тих, хто тільки починає свій творчий шлях.

Тематика творчості — життя в її різноманітних проявах, почуття й думки, що народилися на шляху до малих і великих вершин, особисте сприйняття історичних і сучасних подій.

Рекомендоване широкому колу читачів.

Літературно-художнє видання

Початок століття

Альманах

Творчі шукання співробітників,
викладачів і студентів
Харківського національного
медичного університету

*Відповідальний за випуск І.В. Летік
Дизайн та комп'ютерне верстання В. Ск!п, А. Победіна
Редактор С.О. Краснікова
Коректор Є.В. Рубцова*

Формат 64×90 1/8. Ум. друк. арк. 11,66.
Тираж 1000 прим. Зам. .

ХНМУ
м. Харків, 61022, пр. Леніна, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3242 від 18.07.2008 р.

Виготовлювач ТОВ «Перша експериментальна друкарня»
м. Харків, 61004, вул. Маршала Конєва, 21
Тел.: (057) 717-32-34
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №3365 від 09.01.2009 р.